

Алексей
АТЕЕВ

Кровавый **ШАБАШ**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Атеев

Кровавый шабаш

«ЭКСМО»

1999

Атеев А. Г.

Кровавый шабаш / А. Г. Атеев — «Эксмо», 1999

«Саван... Черный бархатный саван... Черный бархатный... Слово не выходило из сознания, назойливо повторялось вновь и вновь.— Саван... — помимо воли прошептали губы. — Черный, непременно черный, и, уж конечно, бархатный...— Что ты заладил! — недовольно произнес Голос. — Дался тебе этот саван! Действуй! Шел мелкий дождик, почти совсем стемнело, на улице было пустынно, лишь изредка по асфальту проносились неведомо куда спешащие машины.— Самое время, — сказал Голос. Он попытался отделаться от привязавшегося слова, выбросить его из головы, но тщетно. Изнутри череп словно долбил незримый дятел. Саван...»

© Атеев А. Г., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

ГОЛОС ДОВОЛЕН	5
НОЧЬ В МОРГЕ	8
В «ХИТРОМ ДОМИКЕ»	12
ПОИСКИ И НАХОДКИ	15
ГРИБНЫЕ АЛЛЮЗИИ	19
«НАДЕЮСЬ, ВЫ СРАБОТАЕТЕСЬ...»	23
ЭРОС И ТАНАТОС	25
ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ	29
ОТРЕЗАННАЯ ГОЛОВА И	32
«HAVANA – MOON»	36
УБЕЖИЩЕ ОТ БУРЬ	41
«КСТАТИ, О НЕЧИСТОЙ СИЛЕ...»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алексей Атеев

Кровавый шабаш

ГОЛОС ДОВОЛЕН

Саван... Черный бархатный саван... Черный бархатный... Слово не выходило из сознания, назойливо повторялось вновь и вновь.

– Саван... – помимо воли прошептали губы. – Черный, непременно черный, и, уж конечно, бархатный...

– Что ты заладил! – недовольно произнес Голос. – Дался тебе этот саван! Действуй!

Шел мелкий дождик, почти совсем стемнело, на улице было пустынно, лишь изредка по асфальту проносились неведомо куда спешащие машины.

– Самое время, – сказал Голос.

Он попытался отделаться от привязавшегося слова, выбросить его из головы, но тщетно. Изнутри череп словно долбил незримый дятел.

Саван...

Он крутился возле этого дома почти месяц, выбирая самое разное время: иногда утро, иной раз полдень, но чаще всего вечер. Ее он встречал довольно часто, но она его не замечала, во всяком случае, он не чувствовал, что обнаружен. Возможно, каким-то неведомым ей самой образом она улавливала его присутствие, но лишь на уровне подсознания, как ощущает перепелка парящего в вышине ястреба. Правда, он всегда был осторожен, маскировался тщательно, прикидываясь то еле бредущим старцем, то спортсменом, совершающим пробежку, то дворником. Уж что-то, а маскироваться он умел. Он изучил ее образ жизни, повадки, привычки, он даже научился безошибочно различать присущий ей запах – смесь косметики, каких-то довольно приятных духов и пота. Запах, присущий только ей. Он с закрытыми глазами мог бы определить ее присутствие в многотысячной толпе, во всяком случае, ему так казалось.

Черный... бархатный... мягкий на ощупь... и пахнущий... Пахнущий ею!

Главное, чтоб она вышла!

Он остановился и посмотрел на ее окна. Они светились уютным светом, предполагающим покой и негу. Вечер, за окнами дождь, какой же сумасшедший выйдет в такую погоду на темную улицу? Но она выйдет. Он уверен. Иначе и быть не может. Если бы она была обычным человеком, то, без сомнения, осталась бы дома. Но она не такая, как все, а сейчас наступает ее час.

Дом, где она жила, был довольно ветхим трехэтажным строением, возведенным скорее всего еще до войны. Он стоял на отшибе, по соседству с довольно оживленным шоссе. При доме имелся небольшой дворик, заросший по краям пыльными кустами сирени и акации. Стоял конец мая, сирень зацвела, ее тяжелый, одуряющий запах рождал мысли о кладбище. Кладбище и вправду было совсем недалеко. По его сведениям, она обитала здесь с самого рождения.

Дождь усилился. Не выйдет? Он вновь взглянул в окно. Неожиданно свет погас. Он судорожно вздохнул. Свет вновь вспыхнул. Может быть, она почуяла его присутствие и играет с ним? Играет? Ну конечно! Заманивает в свои сети, куражится... Свет в окне вновь погас. Он напрягся, вглядываясь в темный переплет окна. Через пару минут скрипнула дверь подъезда, и он увидел силуэт, высвеченный тусклым уличным фонарем. Она!

Фигура некоторое время постояла неподвижно, словно раздумывая: выходить под дождь или не стоит. Потом раздался щелчок – это она раскрыла зонт. Отлично! Зонт способствовал

внезапности нападения – одна рука занята... Что она будет делать дальше? Фигура вышла из круга света и медленно двинулась вперед. Он тоже отделился от ствола и шагнул следом.

Фигура вдруг пропала. Он дернулся и, забыв об осторожности, выскочил из своего убежища...

Куда она делась? Направление, в котором она шла, он представлял себе достаточно хорошо. Да тут и не было иного пути. Тротуар выводил со двора, потом круто сворачивал вправо. Дальше был пустырь, когда-то застроенный одноэтажными домишками, но теперь абсолютно голый, если не считать зарослей бурьяна и полыни. Сейчас, правда, бурьян еще не вырос. На пустыре, видимо, намечалось построить несколько современных домов, но они так и остались в проекте. Влево от пустыря начиналось кладбище, а вправо на расстоянии примерно полукилометра располагался жилой микрорайон. Она никуда не могла свернуть, да просто и не успела бы. Преследователь закрутил головой: проклятая темень. Достать фонарик?

Зашуршали кусты сирени, и он вновь различил ее силуэт. Что она делала в кустах? Может, писала? Но ведь она только что из дома. Не иначе, морочит его! Теперь он заметил в ее руке какой-то бесформенный предмет. Света не хватало, и он никак не мог определить, что это такое. Внезапно его осенило. Букет! Она вышла из дома, чтобы нарвать сирени, и сейчас вернется назад. Нужно немедленно действовать!

Она медленно пошла по направлению к подъезду, потом остановилась и поднесла букет к лицу.

Наслаждается ароматом! Сейчас, сейчас...

Саван!

Теперь ее было довольно хорошо видно, свет лампочки над дверью подъезда обрисовал силуэт: легкий плащик, копна волнистых волос, зонтик... букет.

Он, пригнувшись, бесшумно подкрался к ней за спину. Пахнуло ее запахом и сиренью. Он достал из кармана тонкий, но необычайно прочный кожаный ремешок. Теперь он сжимал его двумя руками, никак не решаясь... Она шагнула к дому. Все! Ждать больше нельзя. Он рванулся вперед и накинул удавку ей на шею. Она вскрикнула, судорожно дернулась, букет и зонтик выпали из рук. Засучила ногами, попыталась освободиться, рванулась что было сил, но он затягивал удавку все туже и туже. Теперь она только хрипела, сдавшись почти без борьбы. Привычный запах внезапно изменился, теперь она пахла по-другому: остро и неприятно, и он невольно поморщился. Она воняла! Его передернуло от омерзения, но через секунду, совершенно неожиданно для себя он страшно возбудился. Чувство было настолько ярким и острым, что он содрогнулся от сладкой волны и прижался к ней сзади всем телом. Его колотило в пароксизме острейшего наслаждения. Хватка непроизвольно ослабла, и она, тотчас почувствовав это, собрала остатки сил, рванулась в надежде освободиться. Но он уже пришел в себя. Еще несколько судорожных рывков, и она начала обмякать.

«Все! – понял он. – Готова! А теперь...»

Саван, черный саван...

Он поднял ее на руки, удивившись легкости ноши. «Словно резиновая кукла», – пришло на ум. Но, как бы там ни было, он исполнил повеление Голоса. Он сделал это. Правда, не все, не до конца... оставалось еще несколько штрихов. Среди кустов сирени имелась крошечная полянка, которую и в дневное время не было видно, а уж ночью и подавно. Он давно приметил ее и теперь тащил свою жертву именно туда. Положил тело на землю, достал фонарик и посветил в лицо. Жива или нет? Зрачки на свет не реагировали, но на всякий случай он попытался нащупать пульс. Не прощупывается. Отлично. Он всмотрелся в помертвевшие черты. Довольно приятная, он и раньше отмечал это, но смерть, казалось, придала ее облику что-то новое, добавив потусторонней прелести. Он расстегнул пуговицы ее плаща. Под ним было только белье. Желание вновь ворохнулось в паху, он усмехнулся.

Саван...

И еще одно. Необходимо убедиться. Он перевернул труп на живот, задрал полы плаща на голову жертвы и стянул вниз беленькие трусики. Того, что он ожидал увидеть, не было, однако на правой ягодице имелось родимое пятно. Он поднес фонарик почти вплотную. Пятно имело странную звездчатую форму. Все совпадало. Теперь он смотрел на обнаженное тело без всяких эмоций. Приказ выполнен.

Он достал из кармана куртки кусок черной ткани и нож.

Саван... саван... саван...

Он прислушался. Голос не давал о себе знать, но он явственно ощутил: Голос доволен.

НОЧЬ В МОРГЕ

Один из двух тихореченских моргов находился в самом глухом углу довольно обширной территории, занимаемой комплексом городской больницы. Это было приземистое здание с массивными колоннами, просторным крыльцом с полуразвалившимися ступенями, утопавшее в густой зелени.

Заросли, как вокруг замка спящей красавицы, подумала Глафира Кавалерова, когда пробиралась по узенькой тропке сквозь эти дебри. Конечно, к моргу вела и нормальная асфальтированная дорога, но Глаше нравилась именно эта таинственная тропа, проложенная непонятно кем и для чего.

«А вдруг по ночам мертвецы выбирают из морга и именно этой тропой отправляются бродить по окрестностям?» – вообразила Глаша и засмеялась.

Жаркий майский день сменился душноватым вечером. Начинало смеркаться. Глаша вышла к моргу и, поднявшись по дряхлым ступеням, дернула ручку двери. Дверь оказалась запертой. Она нашла кнопку и нажала на нее. Где-то в глубине раздалась гулкая трель, потом послышались шаркающие шаги, щелкнул замок, и на пороге вырос заросший бородой неопределенного возраста детина в грязном белом халате.

– Чего надо?

– Я от Вити... Вити Подгурского, – произнесла Глаша. – Он ведь с вами договаривался?

– Витек? – Дитина слегка поморщился, провел ладонью по потному лбу. – Ага! Точно! Был базар! Тебя как звать?

– Глафира.

– Ну да. Любительница острых ощущений. – Он неприятно усмехнулся. – Значит, хочешь провести ночь в нашем заведении? – Он снова хмыкнул. – Тоже мне развлечение. Могла бы найти компанию и поприятней.

Глаша постаралась одеться поскромнее. Но заношенные джинсы и такая же майка не могли скрыть достоинств невысокой ладной фигурки, а отсутствие косметики на лице делало его еще свежее.

– Ты принесла?... – быстро спросил бородатый. – Мне Витек сказал...

Глаша достала из пакета бутылку водки и протянула ее детине. Глаза бородатого радостно блеснули. Он резко крутанул бутылку, отчего жидкость в ней завилась винтом.

– Нормалек! А меня Толиком звать. Будем знакомы, красавица. Так, значит, собираешься здесь на ночь остаться. А трусики не намочишь? – Он захохотал. – Не обижайся, шутка! Но для чего?!

– Видите ли... – замялась Глафира, обдумывая, как лучше объяснить цель своего визита. – Я провожу исследование, хочу проверить одну теорию...

– Теорию? А-а... Что ж, дело хозяйское. Мне-то что, пузырь ты принесла, значит, все путем. Я уйду. Ты дверь закроешь и можешь проводить свои исследования. Только главное – ничего не трогать, по шкафам не рыться, покойников не потрошить!

– Что вы! Я просто посижу рядом.

– Посидишь? Ну сиди, сиди... Собственно, трупы в холодильнике, а ты одета довольно легко для минусовой температуры.

– Что же делать?

– Да я выкачу тебе один. Или пару нужно?

Глаша молчала. «А действительно, сколько нужно объектов?»

– Если бы имелись умершие насильственной смертью... – неуверенно сказала она.

– Есть такая! – оживленно произнес Толик. – Сегодня утром доставили. Молодая девка, вроде тебя. Удалили ее, а потом ножичком... Маньяк, должно быть... Ну, пойдем.

Она вошла следом за детиной в просторный вестибюль. И сразу же почувствовала едва ощутимый неприятный запах.

Толик провел ее в помещение с несколькими большими цинковыми столами.

– Прозекторская, – пояснил Толик. – Вот тут мы их и потрошим. – Он указал на столы. – Я сейчас тебе ее выкачу.

Толик скрылся за какой-то дверью. Через пару минут он появился вновь, толкая перед собой высокую тележку, на которой лежало обнаженное тело.

– Как закончишь, открой эту дверь и закатай коляску внутрь. Верни ее на место, а то скандала не оберешься. Сейчас лето... Разбарабанит в тепле...

– А сторож?

– Какие тут сторожа! Они, – он кивнул на труп, – сами себя сторожат. Ну, прощевай. – Он внимательно посмотрел на Глашу. – А может, передумаешь? На кой хрен тебе эта мутотень! Сейчас замахнем с тобой... – Он подбросил на ладони бутылку.

– Я остаюсь.

– Как знаешь, будь здорова.

И Толик удалился.

Только теперь Глаша по-настоящему огляделась.

Квадратная комната имела два окна, наполовину закрашенных белой краской, над цементными столами висели мощные светильники, стены комнаты до потолка были выложены белым кафелем, вдоль них стояли медицинские шкафы с поблескивающими в полумраке инструментами. Было тихо, только из крана в раковину мерно капала вода.

Наконец она заставила себя посмотреть на лежащее перед ней тело. Может, выключить свет? Глаша щелкнула выключателем. Мертвая девушка действительно примерно одних с ней лет, может, чуть постарше. Отлично сложена: покатые плечи, длинные стройные ноги, плоский живот, который от самого паха рассекал громадный шов, достигающий почти до горла.

На горле чернела узкая полоса.

«Удавили, – вспомнила Глаша слова бородатого Толика, – а потом ножичком...»

Она присмотрелась. Соски маленьких грушевидных грудей были отрезаны. Кроме того, на них были явственно видны некие странные надрезы, напоминающие не то буквы, не то знаки. Лицо трупа страшно изуродовано, глаза выколоты.

– Кто же тебя так, сестра?.. – тихо произнесла Глаша. – Кому ты помешала? – Она неожиданно представила себя на месте этой девушки, и ее передернуло.

– Нужно успокоиться, а то ничего не выйдет. – Глаша вышла в гулкий вестибюль, достала сигареты и закурила. Несколько затяжек, казалось, вернули уверенность. Она докурила сигарету, бросила ее в никелированную плевательницу и вернулась назад. Подошла к двери, из-за которой Толик выкатил тележку с телом, щелкнула выключателем и заглянула внутрь. Вдоль стен стояли такие же коляски, на которых лежали мертвецы, некоторые прямо на полу.

Глаша захлопнула дверь и повернулась к мертвой девушке. Как же начинать? До сих пор она представляла себе все довольно четко. Но теперь...

С чего начать? Первое: подготовить место. Она обвела глазами помещение. Сесть на стул рядом с покойницей? Нет, не годится. Находясь в трансе, можно упасть. Нужно лечь. Но на что? Не на коляску же, на которой возят трупы? Она снова вышла в вестибюль морга. Здесь имелось несколько коротких кушеток, обтянутых кожзаменителем. Если составить две рядом, то вполне можно улечься.

Глаша перетащила кушетки в прозекторскую и пристроила их рядом с коляской.

Она присела на кушетку, вновь взглянула на мертвую, вздохнула... Пора начинать. Свет можно выключить. Так спокойнее.

Глаша достала из пакета небольшую склянку с мутной жидкостью коричневого цвета, откупорила пробку, взболтала, зачем-то понюхала, потом залпом выпила и откинулась на свое ложе.

Первое ощущение – страшная горечь. Полость рта словно стянуло, челюсти закалились, гортань онемела... По телу пробежала мгновенная конвульсия. Сознание помутилось. На несколько минут она полностью отключилась. Потом – дым! Все вокруг словно окутало густым белым дымом. Дым пронзают яркие вспышки... постепенно он мутнеет, рассеивается... яркие вспышки продолжают. Цвет пронзительно-голубой, ослепляющий, вроде огней электросварки... Она чувствует приятное покалывание, словно по телу проходит слабый электрический разряд. Голова становится ясной и как бы хрустальной. Вспышки прекращаются. Все! Началось!

Теперь она видит себя сверху. Недвижимое тело, широко открытые глаза... Рядом та, убиенная... Глаше нет до нее никакого дела. Она готова устремиться ввысь, взлететь над миром, вновь ощутить то, что уже переживала не раз, – экстаз слияния с космосом. Стены исчезли, и перед ней открылось черное небо, наполненное миллиардами звезд. Вперед!

Частичка сознания, не растворившаяся в сверкающем потоке, успела прореагировать: «Куда! Ты не за этим сюда пришла, ты пришла...»

Она вспомнила. Но чувство освобождения от тела было столь захватывающим! Или рвануться ввысь? Промедление оказалось роковым. Над головой снова был потолок морга. Теперь она слышала голоса, невнятное жалобное бормотание, стоны... Как будто просьбы о помощи...

Голосов становилось все больше, они слились в один невнятный гул, напоминавший отдаленный шум воды.

«Мертвые, – поняла она. – Не могут свыкнуться со своей участью. Хотят вернуться назад. Тщетно. Возврата нет!»

Но голоса тех, за стеной, не волновали Глашу. И они постепенно ослабевали и наконец исчезли совсем.

А убиенная? Та, казалось, молчала. И вдруг Глаша почувствовала, как проникает в чужое сознание или то, что осталось вместо сознания. Она стала той, убиенной!

Запах дождя... и сирени... Ощущение покоя. Внезапный ужас... Некто бросается на нее сзади, сдавливает горло. Это мужчина. Она не видит его лица, но ощущает прижавшееся к ней тело, чувствует его неистовое возбуждение, острейшее возбуждение охватывает и ее... Но оно – другого рода. Это возбуждение агонизирующего тела. Сирень пахнет все нестерпимее.

Что-то гадкое, скверное... Ей не больно, но очень страшно. Кара! Это кара!

За что? Глаша не может понять. Ясно одно – та испытывает чувство вины. Ночной луг. Пахнет болотом. Мерцает костерок, неясные тени... Все исчезает. Постель, какие-то мужчины. Болезненное наслаждение...

Внезапно Глаша отчетливо ощутила, что обнаружена. Убиенная почувствовала чужое присутствие. Недоумение... немой вопрос... разочарование. Возможно, она решила, что жива. Однако быстро поняла, что ошиблась. Более того, она поняла, что та, с кем она вступила в контакт, реально существует, а она уже нет. Она мертва. Мертвее не бывает! Тело начинает разлагаться, а душа?... Что будет с ней дальше в этом новом состоянии? Тоска пронзила все существо Глаши, такая тоска, какой до сих пор она не знала. Найди... отомсти... – это было последнее, что ей удалось понять.

Все померкло. Видения кончились. Обрушился тяжелый мрак. Наконец Глаша очнулась, поднялась, ощущая себя выжатой и опустошенной. В прозекторской было темно. Она нащупала выключатель, зажгла свет, механически начала уничтожать следы своего пребывания: вернула на место кушетки, взялась за ручки коляски и еще раз взгляделась в мертвое лицо. Что же

та пыталась ей сказать? Сейчас она не в силах обдумать случившееся. Нужно прийти в себя, как следует выспаться. Так всегда бывает после приема снадобья.

Она закатила коляску с телом в холодильную камеру и покинула морг.

В «ХИТРОМ ДОМИКЕ»

Здание Кировского районного управления милиции, известное под именем «хитрый домик», в Тихореченске знал каждый: оно считалось одной из архитектурных достопримечательностей города. Построенное еще до революции неким романтически настроенным купчишкой, оно являло собой причудливое смешение различных архитектурных стилей. Так, фасад напоминал уменьшенную копию готического собора, боковые стороны имели ложноклассические портики, а по углам крыши возвышались остроконечные башенки – точь-в-точь мавританские минареты.

Милицейское руководство весьма гордилось особняком, не жалело средств на ремонт и реставрацию, а на фасаде красовалась мраморная доска с надписью: «Памятник старины. Охраняется государством».

И вот сейчас Евгения Яковлевна Белова впервые переступила порог «хитрого домика», о котором была столько наслышана.

– К кому? – равнодушно спросил дежурный, мельком глянув на нее.

– К Буянову.

– Третий этаж, – так же равнодушно сообщил дежурный и уткнулся в какую-то книгу.

Причудливый особняк и внутри имел столь же хитрое устройство, то есть состоял из странным образом изогнутых коридоров с нишами, тупиками и винтовыми лестницами. Некоторое время Женя плутала по почти пустынному зданию, останавливалась перед дверьми с табличками, вглядывалась в надписи. Наконец остановилась перед довольно обшарпанной дверью с надписью: «Начальник уголовного розыска майор Буянов Николай Степанович».

Женя постучалась и вошла. За заваленным бумагами столом сидел мужчина в штатском лет сорока, довольно полный, с широким, несколько бабьим лицом. Кроме бумаг, на столе стоял небольшой магнитофон, из которого неслась какая-то иностранная песенка.

– Вам чего?

– Здравствуйте, вот явилась в ваше распоряжение, – сообщила она, протягивая направление.

Он взглянул на бумагу:

– Ага, практикантка. Ну что ж, присаживайся. Ничего, что я на «ты»?

– Конечно, – поспешно сказала Женя.

– Неплохо выглядишь, – сообщил Буянов. – Современно. Так почему все-таки милиция?

– Даже не знаю, как объяснить. Мой отец... Он тоже был милиционером...

– А как фамилия? Ах да! Якова Ильича дочка?

Женя кивнула.

– Знал... Работал под его началом. – Он хотел сказать что-то еще, но, видно, передумал. – С компьютером работать умеешь?

Она кивнула.

– Хорошо! – твердо сказал майор, видимо приняв решение. – Практика – дело серьезное. Я бы даже сказал – ответственное. Тебе еще сколько учиться?

– Год.

– А потом?

Женя пожала плечами:

– Там видно будет.

– Невразумительно. Что значит «видно будет»? Хотя конечно... В нынешнее время загадывать наперед очень сложно. Обстановка, конечно, непростая. Уровень преступности растет. Задыхаемся. Каждый день что-нибудь да происходит. Прямо и не знаю...

«Зачем он мне это рассказывает? – с тоской подумала Женя. – Сейчас будет час толочь во-ду в ступе, а потом отправит разбирать какие-нибудь затхлые бумажки».

– Мне бы работу... задание, – неуверенно произнесла Женя.

Он стал перебирать бумаги.

– Ага. Вот. На днях убийство у нас произошло... Лишили жизни гражданку, довольно молодую, между прочим. Расследование было поручено старшему лейтенанту Алферову, а он возьми да заболей. Аппендицит, да к тому же осложненный перитонитом! Еле спасли. Недели две на больничной койке проваляется, а то и больше. Вот ты и займись. Почитай, что он там написал. – Буянов протянул Жене папку. – Преступление это не совсем обычное. Похоже, маньяк работал. Но нужно разобраться, кем была жертва. Тут тоже не все ясно. Подобное преступление для нас не характерно. В Москве или в Питере... там другое дело. Хотя и здесь пару лет назад имело место нечто подобное. Так называемое «дело Лифтера». В лифтах он девочек подкарауливал...

– Помню, – односложно сказала Женя.

– Его, как ты знаешь, поймали. Дали высшую меру, потом заменили на пожизненное. Зря, по-моему. В нынешнем преступлении есть общие детали с тем, давним. Жертва тоже была задушена. Короче, нужно разобраться с ее личностью. Вот и разберись! Такое, значит, тебе задание. погоди, я напишу требование на удостоверение. Как только получишь, возвращайся сюда, возьми дело и начинай читать. Потом сообщишь мне свои соображения. Ясно?

Женя довольно быстро получила временное удостоверение, представляющее собой плотный кусочек картона с фотографией и печатью. И на том спасибо. Потом она вернулась в кабинет майора, который вручил ей папку с делом и поместил в крошечную полутемную комнатку.

– Кабинет Алферова, – пояснил Буянов, – маленький, конечно, зато отдельный. При желании можешь пойти пообедать, буфет у нас внизу, в подвале. Кормят так себе.

Женя поблагодарила майора и уселась за стол неведомого ей Алферова. Она сидела, тупо уставившись на серый картон папки, на надпись «Дело №...». Потом подняла голову и огляделась. Собственно говоря, смотреть было не на что. Узкий как пенал кабинетик. Стол занимал почти половину его площади. Напротив стоял допотопный деревянный стул, отполированный до блеска задами и спинами бесчисленных посетителей.

Женя раскрыла папку. Здесь лежало несколько машинописных листков и снимков. Взялась за снимки. Ей не раз приходилось видеть подобные фотографии в учебниках по криминалистике, но до сих пор Женя не могла к ним привыкнуть. Обезображенный труп молодой женщины, снятый в различных ракурсах...

Легкий озноб пробежал по ее коже. Разыгралось воображение? Представила себя на месте жертвы? Скорее всего так.

Она вспомнила, как был возбужден весь город, когда пресловутый Лифтер, о деле которого напомнил майор, свирепствовал по вечерам в многоэтажках. Каких только слухов не ходило! Женская часть населения Тихореченска была охвачена паникой. Его довольно быстро изловили. Маньяк-убийца оказался на вид нормальным парнем из вполне благополучной семьи. Женя училась тогда в последнем классе. Отец был еще жив. Она несколько раз пыталась расспросить его о маньяке, но он отмалчивался. Раз, уставившись взглядом на ее открытые почти до бедер ноги, зло бросил: «Сами же провоцируете!» Женя обиделась. Наверное, зря. Она отложила фотоснимки, задумалась... Отец не одобрял выбора дочери. Считал, что специальность юриста не для нее. Когда она поступила в институт, он уже тяжело болел. Видно, хотел серьезно поговорить с ней, но не успел...

Из машинописных листочков явствовало, что звали убитую – Вержбицкая Светлана Станиславовна, двадцать четыре года, русская, образование высшее, к моменту смерти нигде не работала. Жила одна в двухкомнатной квартире на Зеленом шоссе. Найдена во дворе своего дома 26 мая в 10 часов утра дворником Ахмедовой... Способ убийства – удушение. Не была

изнасилована, хотя обнаружена совершенно раздетой. Отрезаны соски у грудей. На теле имеются многочисленные порезы. По заключению судмедэксперта, порезы нанесены уже после смерти. В деле фигурировали фотоснимки порезов. Женя стала их разглядывать. На грудях вроде какие-то знаки, на животе вырезан крест.

Похоже, действительно работа безумца. Из ушей не вынуты золотые сережки, золотая цепочка сорвана с шеи и отброшена в сторону. Явно маньяк. Серийный убийца, вспомнила она термин. Если серийный, то не было ли за последнее время аналогичных убийств? Скорее всего не было. Иначе майор обязательно сказал бы ей о них. Но маньяк обычно не ограничивается одной жертвой. Тогда нужно ждать следующую... Но почему Буянов обмолвился, что нужно разобраться с ее личностью?

– Уже прочитала? – удивился Буянов, увидев на пороге Женю, держащую в руках картонную папку.

– Тут всего три листочка.

– Выводы сделала?

– Похоже на работу серийного убийцы.

– Серийного убийцы? – Майор поморщился. – Не люблю этого термина. Нам только их не доставало. Мало нам Лифтера. Однако в серийного убийцу я не очень верю. Вполне возможно, что кто-то пытается толкнуть нас на ложный путь. Мол, изрезал все тело – значит, маньяк. Что-то тут не так.

– Вы сказали, что личность убитой...

– Вот-вот. Не такая она простая девушка была, эта самая Светлана Вержбицкая.

– А конкретно?

Майор насмешливо посмотрел на Женю:

– Конкретно узнай сама. Отправляйся по месту ее жительства, собери информацию.

– Зеленое шоссе, – спросила Женя, – где это? Всю жизнь прожила в Тихореченске, а никогда о таком не слыхала.

– На юго-западе. Возле кладбища. Там раньше довольно большой жилой массив был, но почти все снесли. Несколько домов всего осталось. Я тебя не обязываю каждый день являться в контору, однако два раза в день ты мне должна звонить. Если не позвонишь, значит, с тобой что-то случилось, и я начинаю поиск. Еще совет. Старайся не козырять, что ты из милиции. Проще представиться журналисткой, работницей собеса, да кем угодно. Выясни все, что сможешь, про эту Вержбицкую. Кто такая, чем занималась, с кем встречалась?.. Сегодня понедельник, 2 июня. Начало лета. Ах, лето! В отпуск хочется. Вот поймаю Косого – и в отпуск...

– А кто это, Косой?

– Это присказка у нас такая. Означает вроде как недостижимый результат. Ладно, Евгения, вперед! Три дня тебе хватит?

– Я надеюсь.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

На Зеленое шоссе подвез на «Жигулях» бывший одноклассник. Он вроде бы случайно оказался перед ее подъездом, когда Женя вышла из дома в половине одиннадцатого утра. Женя знала, что Павлик – так звали одноклассника – равнодушен к ней еще со школьной скамьи, но особого внимания на него не обращала.

– Куда спешишь? – спросил он.

Женя подняла глаза на высокого угловатого Павлика, потом перевела взгляд на машину:

– А что, можешь подбросить?

– В твоём распоряжении.

– На Зеленое шоссе...

– А зачем тебе туда? – спросил он, когда машина вырвалась на широкий проспект.

– Подружку навестить.

Дом, который она искала, обнаружить было довольно трудно – так разрослись окружающие его деревья и кустарник. «Словно нарочно маскируют», – отметила Женя. Дом был трехэтажный, с двумя подъездами, и вид у него был запущенный. Штукатурка кое-где осыпалась, обнажив красные кирпичи.

«Двенадцатая квартира, видимо, находится во втором подъезде», – сообразила Женя и открыла тяжелую дверь. В подъезде было прохладно, царила необычная чистота, некая сиротская ухоженность. Нужная ей квартира была на верхнем этаже. Она почему-то крадучись поднялась по лестнице. Дверь украшала большая коричневая печать. Итак, квартира опечатана.

Она позвонила в соседнюю. Долго никто не открывал, потом послышались шаркающие шаги и раздался старушечий голос:

– Кого надо?

– Из собеса, – сообщила Женя, вспомнив наставления Буянова.

– Пенсию принесла, что ли? Ну наконец-то! Заждалась...

– Нет, я не пенсию... – смутилась Женя. – Я по другому вопросу.

– По какому же?

– Насчет вашей соседки.

– Какой еще соседки?

– Вержбицкой.

– Так ее убили.

– Я знаю. Да вы бы открыли!

– Нет уж, не открою! Из собеса она! Нечего врать! При чем тут собес?

– Может, все-таки откроете?

– Иди отсюда, пока в милицию не позвонила! Проходимцев развелось!.. Из собеса!..

Женя еще с минуту постояла в напрасном ожидании. Есть еще одна дверь. Хорошая дверь, обита кожзаменителем. Табличка с номером. Солидно. Она нажала кнопку звонка. Почти сразу щелкнул замок, и дверь приоткрылась, придерживаемая цепочкой.

– Здравствуйте, – осторожно сказала Женя, – я из милиции.

На этот раз она решила говорить только правду.

– Здравствуй, деточка, – кивнула ей благообразная старушка.

– Мне нужно поговорить с вами. Меня интересует личность вашей бывшей соседки Вержбицкой.

– Несчастной Светочки? Ну конечно. А позвольте?.. – Старушка вопросительно посмотрела на Женю.

Она достала из сумочки свое временное удостоверение и подала его старушке. Та, держа картонный квадратик перед носом, близоруко вглядывалась в него, потом в сомнении посмотрела на Женю:

– Что ж, заходи.

Женя переступила порог и внимательно посмотрела на обитательницу квартиры. В ней было что-то кукольное. Сверкающие серебром мелко завитые волосы, блестящие голубенькие глазки, губки сердечком, яркий румянец на щеках. И шелковый халат – по черному фону ярчайшие розы, желтые и пунцовые.

Комнатка, куда она вошла вслед за старушкой, являла собой как будто домик куклы Барби. Оборочки, рюшечки, воланчики... Сборчатые занавески, словно старинные панталоны. На стенах живого места нет, все завешано небольшими картинами, фотографиями в рамках, гравюрками.

– Садись, деточка, вот сюда, на диванчик. – Старушка прямо-таки втиснула Женю в крошечную кушетку на гнутых ножках, сама уселась напротив в такое же крохотное креслице. – Так что тебя интересует?

– Соседка ваша бывшая. Та, которую убили.

– Светочка Вержбицкая? – Старушка удрученно покачала головой. – Времена нынче страшные. Если уж таких очаровательных девиц отправляют на тот свет, я и не знаю, что сказать. Ведь это ангел был. Воздушное создание. Сильфида. Вы тоже ангел. Но земной, осязаемый, а она... – Старушка достала из кармана халата носовой платок и осторожно промокнула им сначала один глазок, потом другой. – С таких вот пор ее знала. – Она показала ладонью, с каких именно пор. – Можно сказать, она выросла на моих глазах.

– Она что же, здесь с самого детства жила?

– Здесь проживали ее дедушка и бабушка, а родители обитали в других местах. Так как они между собой, мягко говоря, не ладили, Светочка большую часть времени проводила в этом доме. Когда дедушка и бабушка отдали богу душу, эта квартира досталась ей.

– А родители?

– След отца потерялся, а мама ее – эффектная была женщина – покинула этот свет вслед за своими близкими, нужно сказать, очень достойными людьми. Дедушка ее, Морис Морисович Фурнье, из обрусевших французов был. Работал директором кондитерской фабрики. Наш дом когда-то принадлежал кондитерской фабрике... И большинство его обитателей трудились именно там. В том числе и я. Довольно оживленный уголок когда-то был, а теперь остались одни старики вроде меня. Мама Светочки, я вам без обиняков доложу, была довольно ветреной особой – видимо, сказывалась французская кровь. Светочка почти постоянно проживала здесь. Окончила иняз местного пединститута два года назад.

– А где она работала?

– Я не спрашивала, неудобно как-то. Бестактно. Если сама не находит нужным сообщить... Но, очевидно, где-то служила. Возможно, в какой-нибудь нынешней фирме. Ее частенько доставляли домой дорогие иностранные автомобили.

– А мужчины?

– Помилуйте, она была девушкой очень строгих правил. Нет. Мужчин здесь не наблюдалось. Во всяком случае, я не видела.

– Кто, по-вашему, ее убил?

– Ах, откуда я знаю! – Старушка всплеснула пухлыми ручками.

– А как ее хоронили? – неожиданно для себя спросила Женя.

– Вот не знаю. Из морга сразу отвезли в крематорий. Родных-то у нее, бедняжки, не осталось. Говорят, все организовала фирма, в которой она служила.

– Может быть, вы все-таки кого-то подозреваете?

– Подозревать – это ваша забота. Правду сказать, девушка она была довольно замкнутая. «Здравствуйте, тетя Капа», – меня Капитолиной Прокофьевной зовут. «До свидания, тетя Капа». Вот и весь разговор. Ключи у меня запасные хранила. На всякий случай. Так, бедная, и не забрала.

– А разве милиция не изъяла?

– Ключи? Ни в коем случае.

– А обыск в ее квартире был?

– С чего бы? Что у нее искать? Брюнет этот, правда, заглядывал.

– А вы можете дать мне эти ключи?

Старушка с сомнением посмотрела на Женю:

– Поясните, деточка, для чего?

– А вдруг я обнаружу улики, проливающие свет на загадку ее смерти?

– Воля ваша, – вымолвила старушка, – но я бы этого не делала. – И принесла ей ключи.

И вот Женя вошла в незнакомую квартиру.

Просторная прихожая, большое зеркало, на вешалке висит легкий летний пиджачок. На стене телефон. Японский или южнокорейский. Огромный шкаф-гардероб, на вид старый, таких давно не производят. Стенной шкаф, створки его плотно закрыты. В комнате сервант, диван с высокой спинкой, кожаный. Подобная мебель была в моде лет сорок назад. На полу большой ковер с густым ворсом. На стенах картины. Полутемно, потому что темные шторы на две трети задернуты. Кухня большая, обставлена сверхсовременно. Громадный холодильник встроен в гарнитур, в углу маленький телевизор «Сони», на стенах вместо картин пестрые жостовские подносы. Идеально чисто. В кухонной стене имеется дверь. Еще одна комната. Но почему прямо из кухни?

«Видимо, эта комната некогда предназначалась для прислуги, – поняла Женя, – кухарки или домработницы». Здесь было светло. Белые тисненные обои, широкая кровать, большой телевизор, тоже «Сони», на нем видеомагнитофон, ряд полок с книгами, красивый ореховый комод, прямо-таки антикварный. Очень большой стенной шкаф, переделанный в платяной. Полукабинет, полубудуар.

Что ж, начнем осмотр. Взгляд упал на полки с книгами. «Покажи, что ты читаешь, и я скажу, кто ты», – вспомнила она расхожую истину. Книги занимали почти целиком одну стену комнаты. Ряды томов в солидных переплетах – собрания сочинений классиков: Горький, Тургенев, Гончаров, Достоевский... Она сняла несколько книг с полок. Горького, похоже, никогда не раскрывали, книга захрустела пересохшей бумагой. Да и Тургенева тоже. Вот Достоевского читали. Несколько томов имели потрепанный вид. Дальше – собрания сочинений иностранных авторов. Та же избирательность. Затрепанный Мопассан и совершенно новый Золя, частично потрепанный Флобер. Тут же стоят видеокассеты. Женя глянула на надписи на торцах кассет: «Костры амбиций», «Крестный отец», «Иствикские ведьмы», снова вездесущая «Эммануэль». Аж шесть кассет с ее похождениями. «Горячие трусики», «Две шведки на Таити». Тут же «Нострадамус», «Полтергейст» и опять «Иди, девочка, разденься». Впрочем, вполне обычный набор. Ящики туалетного столика ничего особенного не содержали. Разные мелочи: расчески, массажные щетки, тюбики с губной помадой, «тампакс», ключи, записные книжки, бигуди, письма... Стоп! Письма! Нужно будет забрать их с собой. Небольшая палехская шкатулочка. В ней несколько золотых украшений.

Комод. Здесь в основном постельное белье, а вот и дамские вещи. О! Действительно круто! Она вытащила из кучи белья трусики. Из секс-шопа, что ли? Только там продаются подобные вещи. А вот еще такие же. А эта кожаная сбруя? Вся в заклепках и шипах. Ничего себе! Чем же эта Вержбицкая занималась? А занималась она... А это что? Под бельем рука нащупала некий твердый предмет. Видеокассета! Без маркировки. Женя глянула на видик.

Посмотреть, что ли? Зря она не стала бы прятать.

В этот миг Жене послышался какой-то посторонний звук. Она насторожилась.

Точно! Кто-то пытается открыть входную дверь. Кто?! У кого могут быть ключи?! Да у кого угодно, включая убийцу. Что же делать?! Спрятаться?! Женя машинально сунула найденную кассету в сумочку и забежала по комнате. Под кровать? Глупости! Так что же делать?

Все-таки под кровать! Как ни глупо!

Розовое покрывало доходило до самого пола. Женя поспешно опустилась на четвереньки, ползком забралась в пыльную темноту и затаилась.

Послышался скрип открываемой двери, тяжелые шаги... Под ложечкой у девушки засосало. И вдруг нестерпимо захотелось чихнуть.

– Эй, Евгения! – услышала она знакомый голос. – Ты где?

«Буянов», – поняла она и стала выбираться из своего укрытия.

– Ну ты даешь! – засмеялся майор. – Оригинально! Муж приходит с работы... – Однако он тут же посерьезнел. – Кто тебе разрешил?! Ты понимаешь, какую глупость совершила? Сломала печать. Без разрешения проникла в чужую квартиру. Это, знаешь ли...

– Как вы здесь оказались? – не пытаясь оправдываться, спросила Женя.

– Позвонили добрые люди. У нас народ всегда был бдительный.

– Из одиннадцатой квартиры?

– Из десятой. Бабулька такая декоративная. Как собачка-болонка. Подозрительная, говорит, девица ходит по нашему подъезду, представилась работником милиции, выманила у меня ключи от квартиры убитой Вержбицкой...

– Ничего я не выманивала, она сама мне их дала!

– Хорошо, оставим это! Ты что-нибудь нашла?

Она открыла ящик комода.

– Ну и что? Труссы. Прореха в них зачем-то. А это? – Он подцепил рукой кожаный бюстгалтер. – Шипастый! Для чего такой? Я, честно говоря, не очень разбираюсь в этих ваших штучках. Может, лечебный? Или на охоту ходить?..

Женя засмеялась:

– На охоту! На ежей, что ли, охотиться? Это специальное белье. Как сказать?.. Для извращений, что ли... Для разных эротических игр. Женщина надевает подобные кожаные вещички, берет в руки кнут... Садомазохизм.

– Вот я и говорю, – сказал Буянов, – девица эта убитая не так проста. У меня есть сведения, что она занималась проституцией. Работала по заказам с очень состоятельными клиентами.

– Соседка о ней очень хорошего мнения.

– Соседка? Та еще бабулька. Ты ведь от нее никак не ожидала, что она позвонит в милицию? Ладно, пошли отсюда. Эти причиндалы, – он кивнул на комод, – только подтверждают, что она была проституткой. Нужно продолжать расследование. Выяснить круг ее знакомств, связи, если возможно, имена клиентов. Я тебя познакомлю с одним пареньком, он как раз занимается подобной публикой.

ГРИБНЫЕ АЛЛЮЗИИ

Почему Глафира Кавалерова, молодая и довольно симпатичная гражданка, вдруг стала пасть по моргам? И какие, собственно говоря, эксперименты она проводит? Придется поближе познакомиться читателя с личностью и биографией этой, без преувеличения, незаурядной персоны.

Глаша родилась в Тихорецке в семье среднего достатка. Интеллигентная, к здоровой части которой принадлежали и родители Глаши, запоем читала журналы «Новый мир», «Знамя», «Иностранную литературу». Еще эта интеллигентная увлекалась туризмом, водными походами, как бы стараясь уйти от повседневной суеты, слиться с природой. Родители Глаши вместе с другими энтузиастами путешествовали пешком по горному Крыму и Валдайской возвышенности, сплавлялись на плотах по рекам Урала и Алтая, участвовали в байдарочных походах по озеру Селигер. И всегда брали с собой дочь. Глаша, конечно, была не единственным ребенком в туристских походах, однако вела себя совсем не так, как остальные дети. Прочие ребята резвились в свое удовольствие, плескались в реках и озерах, стреляли из лука в дятлов и ворон, с удовольствием палили костры, на практике осваивали азы полового воспитания. Глашу все это не интересовало. А интересовало ее ни больше ни меньше устройство мироздания. Часами она просиживала перед муравейником, разглядывая снующих туда-сюда бойких насекомых, и являлась на туристскую стоянку вся облепленная кусачими рыжими муравьями. Вооруженная лупой, она изучала устройство цветка, позже начала потрошить лягушек и ящериц, раскапывать кротовые ходы, препарировать бабочек, жуков и кузнечиков.

Всех умиляло любознательное дитя. Глашу приводили в пример собственным чадам, отчего ее популярность среди сверстников носила несколько сомнительный характер. Некоторые просто крутили пальцем у виска.

Глафира была справной девчушкой: и ножки, и глазки, а позже и все остальное не хуже, чем у других. Но мальчики и все, что с ними связано, не интересовали Глафиру. Перелопачены были горы книг, заданы бесчисленные вопросы, а ответа так и не получено. Глаша обратилась к религии. Но и тут не нашла для себя того, что искала. Религия оказалась еще туманнее, чем наука. Здесь нужно было просто верить и не искать доказательств, а это Глашу не устраивало.

Родители не мешали дочери в ее изысканиях. Да, немножко необычно, однако в рамках нормы. Интересуется ребенок естествознанием, и замечательно! Значит, дальнейший путь предопределен. Биофак. Этого хотели папа с мамой, об этом же мечтала и Глаша.

Она без труда поступила в МГУ. Москва – не Тихорецк. Да и времена нынче не те, что при Клименте Аркадьевиче Тимирязеве или Николае Ивановиче Вавилове. Все кипит, все меняется. Сегодня палат из танковых орудий по «Белому дому», а завтра на Красной площади ревет рок-фестиваль. Однако Глафира не поддавалась воздействию массовой культуры и всеобщей политизации. Она успешно училась и одновременно продолжала свои изыскания. И тут столкнулась с наркотиками.

О наркотиках Глафира, конечно, слышала, но не пробовала. Упаси боже! Хотя в общежитии, где она проживала, можно было раздобыть любую «дурь», начиная от заурядной марихуаны и кончая героином и кокаином.

Однажды в каком-то американском журнале ей попалась статья об использовании наркотиков, а именно ЛСД, для облегчения страданий неизлечимо больных. В частности, речь шла о проводимой в клинике «Спринг-Гроув» в штате Мэриленд программе изучения психоделической терапии на пациентах, страдающих раковыми заболеваниями.

В статье утверждалось, что после приема ЛСД у умирающих от злокачественных опухолей менялось мировоззрение, исчезал страх смерти, они, как бы еще при жизни соприкоснувшись с потусторонним миром, осознали, что их ожидает.

Статья произвела на Глафиру впечатление. Она принялась за поиски более подробных сведений об этом предмете.

Оказалось, что опыты, проводимые в мэрилендской клинике, довольно широко разрекламированы, хотя отношение к ним разное. Принимавшие ЛСД больные действительно пережили некое потрясение, после которого их настроение изменилось к лучшему. Однако не у всех. Кое-кто впал в еще большую депрессию. Но особенно заинтересовали Глафиру видения, которые переживали больные. Многие по окончании сеанса утверждали, что наконец-то уяснили для себя устройство мироздания.

Глафира решила раздобыть ЛСД.

Узнала, что есть такой человек Омар, он все может достать. Глафира встретила с таинственным Омаром.

– Глюки захотела посмотреть? А не боишься?

– Чего?

– Втянешься. К «кислотке», конечно, не так быстро привыкаешь, как к опиным препаратам, но все же... К тому же крыша может поехать. Впрочем, твое дело. Двадцать баксов.

Глафира взяла в руки крошечный пакетик с каким-то голубоватым лоскутком внутри.

– Бумажка какая-то...

– Ага, промокашка. Она пропитана «кислоткой». Вот смотри, тут есть прокол от иглки. Дозу пополам делит. Если хочешь, можешь принять только половину. Но на первушников половинка действует обычно плохо. Лучше сразу все оприходовать. Въехала? Деньги.

Наступила ночь. Общага постепенно затихла, лишь откуда-то издалека доносились истерические взвизги и невнятные голоса.

– Геофизики гуляют, – равнодушно сообщила соседка, натягивая через голову ночную рубашку, – у них там свадьба. Не то аспирант женился на студентке, не то студент на аспирантке. Дым коромыслом стоит. Давай-ка спать.

Свет в комнате потух. Глафира лежала на своей узкой кровати, прислушиваясь к дыханию соседки. Та некоторое время ворочалась, вздыхала, что-то невнятно произнесла, наконец задышала глубоко и ровно – заснула. Тогда естествоиспытательница достала из-под подушки пакетик с голубой бумажкой, извлекла промокашку. С минуту, никак не решаясь, покомкала ее в пальцах. Разделить или проглотить сразу? Лучше все же сразу.

Она сунула промокашку в рот и начала жевать ее.

Сначала ничего особенного не происходило. Глафира уже было решила, что Омар обманул ее, подсунув обычный кусочек бумаги. И тут накатило!

Комната наполнилась розоватым мерцанием и стала походить на аквариум. Глафира видела себя лежащей на койке и, казалось, спящей. Напротив дрыхла соседка. Неожиданно из уха спящей Глафиры выкатилась капля серебристой жидкости, следом еще одна, и еще... Капли превратились в тоненький ручеек, который струился на подушку, потом сбегал на пол и образовывал небольшую лужицу, похожую на разлившуюся ртуть. Ее блестящая поверхность светилась, она продолжала наращивать свечение и наконец засияла нестерпимым светом. Края начали подниматься, и теперь она представляла собой как бы чашечку гигантского цветка. Края ее начали сужаться и вытягиваться, и Глафира почувствовала, что из глубины сверкающего тюльпана исходит неясная, но огромная сила. Она всасывала в нутро цветка само время. Вместе со временем в сверкающие недра втянуло и Глафиру.

Узкий темный туннель, по которому летала Глафира, был наполнен неясными тенями. Глафира чувствовала, как тени общаются между собой, переговариваются, смеются, тяжело вздыхают... Еле слышная, но очень нежная музыка наполняла пространство. Она была осязаема, приятна на ощупь, точно нежное фруктовое желе. Эта осязаемая музыка постепенно уплотнялась, густела. Она стала даже мешать движению. В конце концов Глафира и вовсе остановилась. Музыка сделалась не только твердой, но и какой-то скрежещущей. Она обволаки-

вала, въедалась в глубь естества, и Глафира поняла, что если сию минуту не освободится от этих липких объятий, то полностью растворится в них и сама станет частью желеобразной массы.

Из последних сил она рванулась вперед и вдруг точно пробка выскочила из наполненного тенями и жидкой музыкой туннеля и оказалась на свободе.

Теперь она обнаружила, что находится над Москвой примерно на высоте пятисот метров. Прямо под ней раскинулись Воробьевы горы. Несмотря на ночь, Глафира отчетливо различила здание общежития и громаду университета. Постепенно она поднималась все выше, под ней трепетало бесконечное скопище огней – Москва.

Тут непонятный страх охватил Глафиру. Подниматься выше было страшно, но ей казалось, что, останься она еще некоторое время в таком положении, она ни за что не сможет вернуться назад. Неожиданно слева от нее показалась неясная черная громада, от которой, несомненно, исходила опасность. Глафира поняла, что черная громада – это музыка, которая не оставила попыток поглотить ее. Музыка преследовала...

Глафира сделала открытие, что вполне может управлять полетом. Она резко рванулась вниз.

Вот и знакомая крыша общаги... Еще ниже – и она в своей комнате... Глафира опять увидела со стороны собственное неподвижное тело, лежащее поверх одеяла. Еще миг, и Глафира влетела в свое тело и ощутила себя в безопасности.

Дальше видения приобрели сумбурный характер. Какие-то зеркальные лабиринты, в которых отражалась то ли она, то ли не она... Потом все померкло, и девушка провалилась в забытие без снов и видений.

Позже, пытаясь проанализировать свои ощущения, Глафира решила, что пережила обычные при приеме ЛСД галлюцинации. Ее удивило только то, что она хорошо запомнила последовательность видений, а также свои ощущения. Никаких особых откровений она не пережила и решила больше таких экспериментов не проводить.

Недели через две на перемене к ней подошла девица довольно странного вида. Это было невероятно худое создание, малого роста, с длинными, почти до пояса, светлыми распущенными волосами. Они окутывали ее словно паранджа. На лбу волосы придерживались плетеным кожаным ремешком. Девица была облачена в бесформенный сарафан из чего-то вроде мешковины. На абсолютно плоской груди позвякивали цепочки, ожерелья из пестрых камней или стекляшек. В левую ноздрю была продета золотая сережка.

– Вы – Кавалерова? – спросила девица, близоруко разглядывая Глафиру.

Та кивнула.

– Мне о вас рассказывали, – бесцеремонно продолжала девица. Говорила она с легким акцентом, похожим на прибалтийский. – Рассказывали, что вы решили попробовать «кислотку». Позвольте узнать, ради кайфа или с какими другими целями?

– Я не совсем понимаю... – Глафира покраснела, словно ее уличили в чем-то непристойном.

– Да вы не бойтесь, – по-своему поняла ее реакцию длинноволосая. – Я не стукачка. Просто меня заинтересовала ваша личность. Говорят, вы очень серьезная, правильная, нигде не тусуетесь, а тут вдруг наркотики.

– Да вам-то, собственно, какое дело? – перебила ее Глафира. – В общем-то никакого, – состроила гримаску девица, – просто хочу вас предостеречь. ЛСД – опасная штука, и недешевая. Попадете в капкан к этому Омару... Мало ли что может случиться, – многозначительно добавила она. – Но есть препараты, практически ничего не стоящие и дающие очень интересный эффект да вдобавок совершенно безвредные. Вы читали Кастанеду?

Глафира отрицательно покачала головой.

– Как, вы незнакомы с учением Дона Хуана?! – изумилась девица. – Хорошо. У меня к вам есть предложение. У нас тут существует нечто вроде кружка. Несколько человек... В основном с химического, но есть и два биолога. Интересуемся оккультизмом, магией, трансцендентальными психотропами... Словом, пытаемся познать сущность бытия через психоделическое восприятие. Если вам интересно, приходите.

Компания, куда попала Глафира, была чем-то средним между коммуной хиппи и оккультной сектой. Сначала общество лохматых парней и нечесаных девиц, увешанных побрякушками, не понравилось аккуратистке Кавалеровой. Кроме всего прочего, здесь, видимо, господствовали свободные нравы. Парни и девушки непрерывно целовались друг с другом. Впрочем, исключались всякая грубость и хамство. Второй отличительной чертой компании были наркотики. (Девицу звали Кристиной, и она была чем-то вроде лидера группировки.) Здесь увлекались галлюциногенами. И, как поняла Глафира, изготавливали их в основном самостоятельно, поскольку большинство членов кружка составляли студенты биологического и химического факультетов. Кристина заканчивала химфак, а высокий черноволосый парень Яша, который был на два курса старше Глафиры, подрабатывал в Ботаническом саду. Вот оттуда-то и поступали в кружок основные компоненты. Сырьем для изготовления той дряни, которая пользовалась популярностью в кружке, служил тропический гриб, содержащий сильный галлюциноген. Попробовала гриб и Глафира. Потом еще и еще. Видения оказались увлекательными, невероятно красочными, а главное, ей представлялось, что вот-вот она сможет поставить точку в своих исканиях.

Очень скоро Глафира поняла, что в кружке никто ничего не изучал. Разговоры о самосовершенствовании, познании внутренних скрытых возможностей оказались обычной болтовней, видимо выдуманной для самоуспокоения. Даже поцелуйчики, которые вначале насторожили ее, оказались всего лишь частью некой игры. Однако какой? Безвредной, как утверждала Кристина? На самом деле гриб расщеплял психику, уводил от реального мира. Потребителю его становилась безразличной обыденная жизнь. Выпьешь настой, проглотить несколько граммов порошка – и улетаешь в видениях далеко-далеко.

Беспризорная ребятня нюхает клей, «смотрит мультики», а эти «интеллектуалы» рассуждают о слиянии с Космосом, о Шамбале, о Великом Деянии... А суть одна и та же. Через полгода с Глафирой случился нервный кризис. Поиски абсолюта дали результат довольно неожиданный, и в первую очередь для родителей Глафиры. Их умненькая дочка зашла в своих исканиях куда-то не туда. Правда, они не подозревали об экспериментах с волшебным грибом и решили, что их чадо, как говорится, «заучилось».

Последовало пребывание в специальной клинике. Далее академический отпуск, возвращение в Тихорецк...

Принимать галлюциногены Глафира не прекратила. Втайне от родителей она изредка ездила в Москву, разживалась волшебным грибом и продолжала свои эксперименты. Теперь ей втемяшилось с помощью гриба установить связь с мертвыми. С этой целью она и явилась в тихорецкий морг и провела там ночь. Дальнейшее читатель знает.

Глафира не считала себя наркоманкой, полагая, что в любой момент может прекратить прием снадобья.

После посещения морга ей стало казаться, что она вот-вот достигнет желанного мига и обретет наконец то, о чем столь долго мечтала: главное откровение, определяющее общий порядок мироздания. Но эксперимент нужно обязательно продолжить. Первый опыт она сочла удачным. Ведь удалось установить связь с мертвой девушкой! Требовалось подтверждение. И Глафира начала искать дальнейшие возможности с помощью волшебного гриба общаться с мертвыми.

«НАДЕЮСЬ, ВЫ СРАБОТАЕТЕСЬ...»

– Валеев, – высокий блондин лет двадцати пяти протянул Жене руку, – можно просто Альберт. Майор говорил о вас. – Он окинул Женю оценивающим взглядом, чуть задержался на мини. – А вас зовут Евгения Яковлевна?

– Женя. Если вас – Альберт, то меня – Женя.

– Не возражаю. Майор просил ввести вас в курс дела. Вам... – Он запнулся.

– Можно на «ты».

– Ладно. Так проще... Знаешь, я... – Он засмеялся, чуть покраснел. – Я, честно говоря, надеялся сам работать над этим делом. А тут ты...

– Но я не хотела перебегать тебе дорожку.

– Глупости. Немножко неправильно выразился. Понимаешь, я занимаюсь так называемыми «ночными бабочками», проще говоря, проститутками. Вот где они у меня. – Он провел ребром ладони по горлу. – Бессмысленное занятие. Статьи на них нету. Однако публика еще та! Тут тебе и наркотики, и вымогательство, и связи с организованной преступностью. Да и сами они часто становятся жертвами криминала.

– Все это я знаю, – холодно сказала Женя. – Вы... ты, пожалуйста, по делу.

– Так вот. У панельных тоже своя градация имеется. Вокзальные... плечевые. Слышала о таких?

Женя кивнула. Этот Альберт, видно, ее за дурочку принимает.

– Есть еще несколько категорий, – продолжал Альберт, – массажистки, динамистки... Это которые клиентов кидают. Синявки, мушки... Вержбицкая принадлежала, видимо, к самой крутой категории...

– Видимо?

– Ну да. Точной информации на ее счет у нас нет. Только отрывочные данные и предположения. Видишь ли, эта группа, к которой принадлежала убитая, практически никаких хлопот не доставляет. Клиентура у них солидная, шума не любит. Поэтому знаем мы о них не так уж много. Известно только, что есть в городе несколько подобных дам. У нас не Москва, не Питер. Но последнее время иностранцы – обычное явление, да и свои денежные мешки появились. Такие, кто любит культурное обхождение: поговорить о литературе, о живописи, пофилософствовать. Отвести, так сказать, душу с интеллигентной дамой. За утеху – одна плата, за культуру – дополнительная и довольно высокая. Случается, нанимают фирмы для важного клиента или для какого-нибудь официального приема. Большинство этих дам владеют иностранными языками, практически все с высшим образованием.

– А Вержбицкая?

– Про нее вообще данных ноль. Только слухи. Про Вержбицкую я узнал случайно. С полгода назад в Тихорецк приезжала делегация из Венесуэлы. Дельцы какие-то. Налаживают торговое партнерство – так теперь говорят. Так вот. Одного из этих венесуэльцев обокрали. Доллары сперли, часы золотые. Он в ванной прохлаждался, а номер был не заперт. Стали копать. Ну и всплыла эта Света. Она при делегации гидом-переводчиком состояла. К краже, естественно, никакого отношения не имела. Воришку мы поймали почти сразу, он часы в скупку поволок... Но гиды представляют то или иное экскурсбюро. И переводчики тоже, а Вержбицкая нигде не числилась. Даже странно. Кроме нее, делегацию сопровождали еще четыре дамы. Две из них относились к той же сомнительной категории.

– Я сегодня как раз побывала у нее дома, – сообщила Женя.

– У кого? – не понял Альберт.

– У Вержбицкой.

– Так ведь квартира опечатана?

– Ну... понимаешь... хотела как лучше...

– Даешь! А майор знает?

– Он меня там и накрыл. Соседка сообщила.

– И что ты отыскала в квартире Вержбицкой?

Женя вспомнила о кассете. Сказать ему? Или лучше майору? Но если парня поставили опекать ее, о кассете он все равно узнает. Тогда и вовсе можно оказаться в дурах.

– Да так, ничего особенного, – сообщила Женя. – Правда, видеокассету нашла.

– А что на ней?

– Не знаю. Но она была спрятана. Во всяком случае, лежала не на виду.

– Так пойдем посмотрим. У майора в кабинете стоит видик.

– Проблемы? – спросил Буянов, увидев на пороге Альберта и Женю.

– Женя кассету обнаружила, – сказал Альберт и посмотрел в сторону видеомагнитофона, – может, глянем?

На экране возникла просторная комната с огромной кроватью. Невнятные голоса, приглушенная музыка... Людей пока не видно. А вот и они! Два мужчины и две женщины в чем мать родила. Объектив неподвижен – видно, снимали скрытой камерой. Мужчины как по команде повернулись. Наплыв на лица.

– Да это же Кудрявый! – указал Буянов на крупного плешивого мужчину. – Точно, он! А второй? Постой, постой... Однако!

– Монаков, – прокомментировал Альберт, – зам прокурора области. Налицо, Николай Степанович, сращивание криминальных и властных структур, и где? В бардаке!

Женщины, видимо, знали, что их снимают, поскольку старались держаться к камере спинами. Однако несколько раз мелькнули и лица.

– Вон та, наверное, Вержбицкая, – сказал Альберт. – Приятная дамочка. А вторую я знаю.

Намерения мужчин на экране стали и вовсе недвусмысленны. Буянов нажал кнопку на пульте.

– Итак?

– Судя по бегущей строке внизу кадра, запись сделана три месяца назад, как раз 8 Марта, в Международный женский день, начало съемки – в девять пятнадцать вечера. Видимо, эти господа пришли поздравить присутствовавших при сем дам. Весьма похвально.

– А через три дня Кудрявого убили, – заметил майор. – Что же получается? Допустим, кто-то устроил эту съемку с целью скомпрометировать Монакова, возможно, он знал, что Кудрявый обречен, потому и подставил его, а девицы эти, несомненно, были посвящены во все. Поэтому Вержбицкую и убили. Убрали, так сказать, лишнего свидетеля.

– Тогда почему пленку не забрали? – Альберт подмигнул Жене. – Если она нашла, так и другой бы нашел.

– Действительно. Логично. Но почему она держала пленку у себя?

– Возможно, это не единственный экземпляр. А может, просто дали ей на хранение.

– Надо найти и навестить эту дамочку... Ну, ту – вторую... – сказал Альберт.

– Ладно. Так что, Евгения, поступаешь в распоряжение лейтенанта Валеева. Теперь он твой непосредственный начальник. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Уяснила?

ЭРОС И ТАНАТОС

Она заканчивала завтрак, когда раздался телефонный звонок.

– Тебя, – сказала мать.

– Привет. – Женя узнала голос Альберта. – Буду через десять минут возле твоего дома, спускайся.

Возле подъезда никого не было видно. Женя завертела головой и увидела знакомую «копейку», за рулем сидел Павлик. Он приветливо махнул рукой, словно приглашая сесть в свой кабриолет. А Женя заметила приближающегося Альберта. Неужели пешком пришел? Похоже на то.

– Не выпалась? – спросил Альберт. – Чего такая кислая? А я пешком. Тут ведь недалеко. – Он взглянул на часы. – В десять будем у нее.

– Вас подвезти? – вступил в разговор Павел.

– Школьный знакомый, – представила его Женя.

– Что ж, поехали. Нам на Вокзальную.

На место приехали быстро.

– Остановите, пожалуйста, – вежливо попросил Альберт.

– Вас ждать?

– Ждать?! – Альберт удивленно посмотрел на Павла. – Я, конечно, не возражаю, но...

– Что ты привязался?! – со злостью бросила Женя. – Подождать!.. Отвезти!.. Ты что, в извозчики ко мне нанялся?!

– Вы ее извините, – сказал Альберт, – видать, не с той ноги встала. Большое вам спасибо. Ждать, наверное, не стоит, неизвестно, сколько мы там пробудем. Надеюсь, еще увидимся. Чего ты так на него взъелась? – полюбопытствовал он, когда они шли к подъезду. – Он мне понравился, хороший мальчик.

Хозяйка открыла дверь, Женя и Альберт вошли в довольно просторную прихожую. Из одежды на хозяйке имелось лишь бикини. Нисколько не стесняясь, она разглядывала посетителей, особенно Женю, и Женя, в свою очередь, изучала представительницу древнейшей профессии. Белокурые кудряшки, вздернутый носик, пухлые губки и большие серые глаза. И в придачу мальчишеская фигурка, стройные ножки, маленькие, круглые, как яблоки, груди. Несмотря на заспанный вид и потеки косметики на лице, гражданку Горшкову можно было смело назвать очень хорошенькой.

– Садитесь. – Алла указала на кресла, сама удалилась и почти сразу же вернулась, облаченная в полупрозрачный халатик.

– Кофе хотите?

– Не откажемся, – сказал Альберт.

– Сейчас. – Она снова скрылась. Было слышно, как звякает посуда.

– Через пять минут будет готово, – сообщила она, возвратившись. – Настоящий мокко, а не какая-нибудь растворимая дрянь. Турецкий с пенкой. Меня один турок научил варить. Очень кофе люблю. Особенно с утра. А с похмелья и вовсе ничего лучше не придумали. А мусорня кофе любит?

– Вот вы, гражданка Горшкова, довольно долго спите в то время, когда весь народ давно на ногах и работает не покладая рук, пытаясь восстановить подорванную кризисом экономику.

Горшкова засмеялась.

– Ага, работает, – согласилась она, – только денег за свой труд месяцами не получает. А в мусорне регулярно зарплату выплачивают?

– Приличные люди... – начал Альберт.

– Так то приличные, а я падшая, – перебила его Алла. – Сейчас кофе принесу. – Она явилась с подносом, на котором стояли три крохотные чашечки, дымящаяся джезва и сахарница.

Женя налила себе, попробовала. Кофе оказался очень вкусным, крепким и душистым.

– Хороший кофе, – подтвердил Альберт, отставляя пустую чашку, – вполне можешь в барменши подаваться. Наверняка от клиентов отбоя не будет.

– У меня и так от клиентов отбоя нет. А кофе в барах пускай другие варят. Ты, лейтенант, давай говори, чего надо. Неофициальная часть закончена, переходим к деловой беседе.

– Вы знали Светлану Станиславовну Вержбицкую?

Усмешка сползла с лица Горшковой. Она перекрестилась.

– Светочку? Знала, как же. И на похоронах была. Ее, правда, не в земле хоронили, а в крематории...

– Она занималась проституцией?

– Веселый ты парень. Про тебя все девчонки говорят: лейтенант Валеев хороший человек, невредный... А тут как-то сразу: проституцией. Несовременное выражение. Сказал бы хоть – жрица любви... Да, Света была нашего круга.

– Вот вы сказали: «наш круг». Что вы имеете в виду?

– Постой, Валеев. Перед практиканткой покрасоваться хочешь? Ты же прекрасно знаешь, о чем идет речь. Мы не какие-нибудь шалашовки. Впрочем, чего тебе объяснять.

– Мы с ней, – Альберт кивнул на Женю, – расследуем убийство. Вот я и пытаюсь выяснить, стала ли она случайной жертвой или это издержки профессии? Вы как считаете, почему ее убили?

– Никак не считаю. Я не знаю.

– По-вашему, смерть связана с ее занятием?

– Опять двадцать пять. Если бы я что-то знала – сказала бы. А гадать не желаю. Возможно, и связана. Скажем, какой-то придурок на нее глаз положил. Он вполне мог ее замочить.

– Что она была за человек?

– Хорошая, скромная. Возможно, самая скромная из нас. Интеллигентная. Очень обходительная. Такие не всем нравятся. Иным подавай хамство. Какие сами, таких и рядом видеть хотят. Но Света никогда не изменяла себе, так сказать, не поступалась принципами... Достоинство вела себя. Ты думаешь, если проститутка, то она и вовсе грязь? Ошибаешься. Унижений она не переносила. Причем не боялась последствий. Ну, когда клиент выйдет из себя, с кулаками кинется... Да у нее подобного и не случалось. Уж не знаю, чем объяснить. Даром обладала, видать. А как человек? Про душу, что ли? Мне кажется, она готовилась к смерти.

– То есть?

– Встречаются такие люди. Словно ждут смерти, испытывают тягу. Слышал выражение «эрос и танатос»?

– Вроде нет.

– Темнота! Ну, про Фрейда, надеюсь, слышал? Так вот. Он толковал: миром двигают два инстинкта: тяга к жизни, к продолжению рода, то есть эрос, и танатос – подсознательное стремление к смерти. У большинства оно явно не выражено. Но тем не менее присутствует в повседневной жизни и проявляется в сновидениях, в определенных поступках, на первый взгляд необъяснимых. По кладбищам она любила прогуливаться. Кстати, могилки совсем рядом с ее домом. Поговаривали, пыталась с жизнью расстаться, вроде вены себе резала. Шрамик на запястье у нее имелся, это точно. Но, похоже, старый. Если вообще шрам появился по этой причине. Разное, конечно, болтают... Но вот что я от нее самой услышала. Как-то, за полгода до смерти, Светка забежала ко мне поздравить с Рождеством. Подарок принесла. – Горшкова поднялась, достала из горки фарфоровую фигурку ангела. – Вот он – подарок.

– Чисто рождественский сувенир, и очень изящный... – со знанием дела сообщила Женя, разглядывая фигурку.

– К тому же соответствует прозвищу гражданки Горшковой, – закончил Альберт.

– Точно. Меня Ангелом некоторые кличут, – засмеялась хозяйка. – Пришла она довольно рано, чуть позже, чем вы сейчас. Я обрадовалась. Достала бутылку виски, кофе сварила. Она выпила рюмашку, и тут началось. Прямо бабья истерика. Давай жаловаться на свою судьбу, заплакала даже. Я ничего понять не могу. Главное, неконкретно говорит. Повторяет разную чепуху. Мол, грязь вокруг, одна грязь! С любой срыв может случиться. Клиент обидел или что похуже... А тут ничего определенного. Я ей толкую: расскажи конкретно, не прячь в себе, полегчает. Тут она вообще понесла о Боге, о дьяволе. Как будто с самого рождения обречена на страдания. Мол, под несчастливой звездой родилась, и весь род ее такой. Туману напустила. Якобы проклятье на ней какое-то висит. Бред! Тогда я ей напрямую: у тебя с мозгами все ли в порядке? Она отвечает: мол, с мозгами-то в порядке, а вот с другим... А с чем другим, не сказала. Думаю, может, заразу какую подцепила? Вдруг СПИД?! Снова напрямки. Она отрицает. Так в чем же дело? Где причина столь буйного поведения? Она снова о проклятии. Потом разговорила. Как я поняла, не так давно она пережила очень сильный стресс, какие-то зверства. Отсюда все и пошло.

– А дальше? – спросила Женя.

– А что дальше? Напилась она, что с ней в общем-то случалось.

– Она что, алкоголичкой была? – спросил Альберт.

– Стресс снимала.

– Ладно. Еще один вопрос. Тут при обыске в квартире убитой обнаружена одна интересная кассета.

– Кассета? Понятно... Это та, где мы и Кудрявый с прокурором... Это была ее идея. Говорит: давай подстрахуемся на всякий случай. Снимем на видео этих двух козлов. Мало ли что. Вдруг одну из нас прижмут. А кассета – отмазка. Так сказать, шантаж в благородных целях. Я охотно согласилась. Она была умной девочкой и знала, что делает.

– А снимал кто?

– Не знаю. Не вникала. Она только сказала: человек очень надежный, ради меня в огонь прыгнет. Кассету мы потом посмотрели с ней вдвоем. Она сказала: запись существует в единственном экземпляре. Да мне-то какая разница.

– Так, может, ее из-за кассеты убили?

Горшкова пожала плечами:

– Сомневаюсь. Если бы за кассетой охотились, то наверняка вас опередили бы. Потом Кудрявого вскоре убили...

– Это-то и странно.

– Чего тут странного? Бандитов что ни день мочат. Свои же...

– А Монахов?

– Прокурор? А что он? Скорее всего даже не знает про то, что запечатлен для потомков. А вы ему сообщите? Пускай порадует, что стал киноартистом. А может, по телику покажете? Ведь сенсация. Прославитесь на всю страну.

– Но кто все-таки снимал?

– Сказала же: не знаю. Все! Аудиенция окончена. Я и так сообщила вам больше, чем следовало. Только из симпатии к тебе, лейтенант.

– И что ты по поводу всего этого думаешь? – спросила Женя, когда они вышли из подъезда на залитую зноем улицу.

– Все эти бредни об эросе и танатосе не для меня. Мне кажется, дело в кассете.

– Ну а версия о маньяке?

– Нельзя сбрасывать со счетов и этот вариант. Ясно одно: нужно искать человека, который вел съемку. Кто это может быть? Скорее всего кто-то действительно очень близкий Верж-

бицкой. Которому она полностью доверяла. В то же время на такое может пойти человек заинтересованный. Потом я не верю в единственный экземпляр кассеты.

– Так кто же мог вести съемку? Ведь не пригласила же она оператора с телестудии?

– Я думаю, этим неизвестным мог быть только один человек. Ее сутенер.

– А у нее был сутенер?

– Можешь не сомневаться. И я обязательно узнаю, кто это.

– Можно было спросить у Горшковой.

Альберт засмеялся:

– Думаешь, она действительно не знает, кто снимал? Ерунда! Знает, конечно. Но никогда не скажет. Более того, в эту минуту она наверняка звонит кому следует и сообщает о нашем визите. Знаешь что? Отправляйся в психиатрический диспансер. Проверь, не состояла ли Вержбицкая там на учете? Может, обращалась за консультацией или имела отношение еще каким боком, а я пробежусь тут по нескольким адресам, постараюсь уточнить некоторые предположения. Завтра доложишь. А пока разбежались.

ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ

В психдиспансере о Вержбицкой никто никогда не слыхивал.

Сейчас Женя в одиночестве сидела дома перед телевизором. Показывали какой-то допотопный фильм про правильных людей, которые противостояли людям неправильным и в конце концов их побеждали. Мать уехала на дачу, звала с собой Женю, но та сослалась на предстоящие завтра с утра дела. А может, и зря. Сидела бы сейчас на скамейке под вишней, взирала на шесть соток и подсчитывала предстоящий урожай.

Она вспомнила октябрь девяносто третьего. Танки прямой наводкой бьют по «Белому дому», снайперы садят с крыши и тут же рядом беспечно прогуливаются граждане с мороженым в руках. А она, Женя, видит происходящее, сидя дома на удобном диване перед телевизором. Разве это не удивительно? Вот танк врзал по сверкающей громадине парламента, клубы пыли, дым... Может, в этот миг гибнут люди, рвутся судьбы, а она и миллионы других с отстраненным любопытством взирают на это зрелище, жуя бутерброд или поглощая очередную кружку пива. Грандиозные катаклизмы потрясают страну, но они в лучшем случае лишь щекочут нервы в паузах между рекламой памперсов и сникерсов. Мир сжался до размеров телеэкрана. «За полгода конфликта в Бурунди погибло около миллиона человек!» – сообщает диктор. Миллиона!!! Ужасаешься на секунду и тут же забываешь, потому что рахитичные дети с раздутыми животами и смертной тоской в глазах уступили место вернисажу итальянской моды в Венеции.

Количество страдания не уменьшилось. Оно неизмеримо больше, чем, скажем, в середине века. Просто оно стало чем-то абстрактным, отразившись в экране, как в кривом зеркале. Горит ли твой дом? Нет? Ну и слава богу! Завтра покажут что-то новое.

Мысли Жени прервал звонок телефона.

– Белову! – услышала она незнакомый голос.

– Слушаю.

– Это беспокоит дежурный по отделу. Через пять минут за вами заедет машина. Распорядился майор Буянов. Выходите к подъезду.

– А что случилось?

– Все расскажет сам майор. – В трубке раздались короткие гудки.

Кроме нее и водителя, в «Рафике» были четыре человека. Знакомым был лишь Буянов.

– Практикантка наша, – представил он Женю, – Якова Ильича Белова дочка.

– Ага, – заметил пожилой бородатый дядька, – преемственность. Похвально. А ты, Николай, зачем ее с собой тащишь?

– Пускай привыкает. Практика есть практика.

– Успеет еще насмотреться, – произнесла женщина лет сорока с усталым лицом и плохо накрашенными губами, – зря вы ее побеспокоили, Николай Степанович. Сидела бы дома. Вдруг на свидание собиралась? – Женщина засмеялась и уткнулась в журнал.

– А что случилось? – поинтересовалась Женя как бы невзначай.

– Убийство, – сообщил бородач.

– Познакомься, следователь прокуратуры Петр Иванович Дымов, – отрекомендовал его Буянов, – судмедэксперт Малевич Елена Дмитриевна, – указал он на женщину, – а это оперуполномоченный Судец Рудольф Исаакович, старший лейтенант. – Молчавший до сих пор молодой человек в милицейской форме церемонно кивнул головой. – Водителя зовут Гена.

Малевич отложила журнал.

– Невозможно читать, свету мало. – Она обратилась к Жене: – Знала вашего батюшку. Дотошный был человек. За всякую мелочь цеплялся. – Сказано было явно с подтекстом, смысл

которого, видно, был понят остальными. Жене почудился оттенок, похоже, негативный. Она хотела поинтересоваться, что имела в виду судмедэксперт, но ее опередил Буянов.

– Совершено преступление, – заявил он, обращаясь к Жене, – обнаружен труп. Я хочу, чтобы ты присутствовала при обследовании места преступления, познакомилась с ходом следственных мероприятий. Словом, соприкоснулась...

– С грязью, – перебила его Малевич. – Лишилась, так сказать, невинности. На каком курсе?

– Четвертый.

– Поздно вато бросать. Впрочем, юристу не обязательно копать в дерьме. Скорее наоборот. Вон в Штатах нет профессии почетнее и доходнее.

– Кроме врачей, – пробурчал себе под нос Дымов.

– Да, и врачей! Именно врачей! А у нас? – И она без всякой связи спросила: – А куда мы, собственно, едем?

– На Богачевское кладбище, – отозвался Буянов.

«Богачевское... Это же почти рядом с местом убийства Вержбицкой, – вспомнила Женя. – Совпадение?»

– Там поблизости Вержбицкая жила, – сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Это которая Вержбицкая? – откликнулся Дымов.

– Которую задушили, – пояснил Судец. – Две недели назад.

– Девица молодая, – подсказала Малевич. – А по этому делу есть какие-нибудь результаты?

– Пока нет, – сказал Буянов, – вот она занимается. – Он кивнул на Женю. – Ираклий, как вы знаете, в больницу попал.

– Она?! – Малевич с откровенной насмешкой посмотрела на Женю. – Дай бог, как говорится...

– Все-таки, мне кажется, это работа маньяка, – продолжала Малевич. – Сам способ убийства... Удавка. Мешай она кому – нож или пуля куда проще. К тому же раздел ее... Зачем? Ведь не изнасиловал.

Женя глянула в окно – они как раз проезжали мимо дома Вержбицкой. Через пару минут микроавтобус затормозил у ворот кладбища. К ним, прихрамывая, быстро шел какой-то старик, облаченный, несмотря на жаркую погоду, в ватную фуфайку.

– Вы кто? – спросил Буянов, отворив дверцу.

– Кувалдин, смотритель здешний, – хрипло произнес старик.

– Залезайте.

Кувалдин влез в микроавтобус, и в салоне возник густой запах перегара.

– Фу! – с отвращением произнесла Малевич. – И почему могильщики так много пьют?

– А для профилактики, – нисколько не смутившись, сказал Кувалдин. – Кладбище, опять же миазмы... Да вы, доктор, не хуже меня знаете.

– Мы разве знакомы?

– Да как же, Елена Дмитриевна, или забыли меня? Лет пятнадцать назад вы еще в хирургии были, совсем молоденькая. Оперировали меня. Забыли! Я на железке работал, составителем. Между вагонами попал, голень мне раздробило. Вы мне ногу, можно сказать, по частям собирали.

– Как будто припоминаю, – неуверенно сказала Малевич. – Кажется, Иван?

– Точно!

Микроавтобус въехал на территорию кладбища. Замелькали могильные памятники, кресты. Асфальт довольно быстро кончился, свернули вправо на узенькую дорожку, шедшую почти вплотную к могилам.

– Стоп! Поезд дальше не пойдет! Вылезайте, господа! – Кувалдин явно находился в приподнятом настроении.

Женя вышла из автобуса вместе с остальными и взглянула на часы – начало десятого. Понемногу начинало смеркаться, но было еще достаточно светло. И почему-то именно на кладбище Женя в первый раз в этом году по-настоящему ощутила, что наступило лето. Одурающе пахло сиренью, рядом в кустах щелкал соловей, ему вторили неведомые Жене птицы. Дневной зной спал, духота исчезла, стояла полная тишь – ни ветерка, ни шороха. Воздух замер.

– Благодать, – вздохнула Малевич, – сюда следовало приехать только ради этого вечера.

– Сейчас работа начнется, – напомнил Дымов, – настраивайтесь, Елена Дмитриевна.

– Эта часть кладбища довольно старая, – ни к кому конкретно не обращаясь, стал рассказывать смотритель, – хоронить начали еще до революции, поэтому здесь много интересных памятников, я бы сказал – уникальных...

– Мы не на экскурсию сюда приехали, – оборвал его Буянов. Чувствовалось, что он начинает раздражаться. – Ведите нас к месту, где обнаружили труп.

Кувалдин покорно смолк и медленно двинулся вперед по едва заметной тропинке.

– Далеко идти? – спросил Судец.

– Минут пятнадцать. Все сильно заросло, чистый лес. Птицам тут раздолье, даже зверушки разные водятся.

Наконец пришли.

– За теми кустами, – сказал Кувалдин.

Все ускорили шаг, кое-как протиснулись сквозь кусты, и им открылось то, ради чего они приехали сюда.

– Ничего себе! – воскликнула Малевич.

ОТРЕЗАННАЯ ГОЛОВА И ДРУГИЕ НЕОЖИДАННОСТИ

Перед ними находился большой памятник из темно-серого лабрадора, представляющий собой две плиты – вертикальную и горизонтальную. На надгробье, прислонившись спиной к вертикальной плите, полусидел обнаженный мужчина. Голова его находилась не на своем обычном месте, а была пристроена между ног.

Какое-то время Женя тупо смотрела на представшую перед ней картину, не в силах воспринять ее как реальность. Внезапно желудок подпрыгнул и устремился вверх. Она опрометью бросилась в кусты. Ее выворачивало наизнанку. Наконец Женя привела себя в порядок и вернулась к остальным.

– Ну-ка, понюхай! – услышала она голос Малевич.

В нос ударил резкий запах нашатыря. Женя дернулась и пришла в себя.

– Дыши глубже, – посоветовала Малевич, – на него не смотри...

– А может, пойдешь погуляешь? – предложил майор.

Женя отрицательно мотнула головой.

– Ну как знаешь. – Буянов, видно, пожалел, что взял ее с собой, однако неудовольствия не выразил.

– С каждым может случиться, – сообщил Судец, – я сам первый раз...

– Начинаем работать! – резко произнес майор. – Через час будет темно. А ты, Гена, – сказал он стоящему поодаль шоферу, – иди вызывай труповозку.

Малевич надела резиновые перчатки и подошла к трупу... Предзакатное солнце залило окрестности призрачным светом, отчего происходящее казалось Жене и вовсе нереальным.

Судмедэксперт взяла голову в руки и стала ее осматривать.

– Мужчина лет тридцати, может, чуть моложе. Хорошо сложен, рельеф мускулатуры говорит, что он скорее всего серьезно занимался спортом, чем-то вроде модного нынче бодибилдинга или, возможно, тяжелой атлетикой, плаванием. Обмеры?

– Потом, – отрывисто бросил майор, – нет времени. Судец, обследуй место и ищи следы! Скорее всего его принесли сюда.

– Наверняка, – подтвердила Малевич. – Убийство произошло не здесь. Труп практически обескровлен, как будто кровь спустили нарочно. Голова отделена от тела каким-то острым предметом типа ланцета или опасной бритвы. Шейные позвонки перерублены.

– Татуировка?

– Отсутствует. Вряд ли это уголовник. Скорее всего человек из обеспеченных. Гладок, упитан...

– Сейчас и уголовники упитаны, – буркнул Буянов. – А вы что скажете? – обратился он к зрителю кладбища.

– О чем?

– Как обнаружили? Ведь это место, насколько я понимаю, почти не посещается.

– Наше кладбище вообще заброшенное. Захоронения производим довольно редко, по специальному разрешению. Поскольку санстанция не позволяет. Кладбище-то закрыто. Днем, конечно, народ бывает. Родных навестить...

– Короче, пожалуйста!

– Я обратил внимание на птиц. Сороки в этой стороне сильно кричали, воронье также...

– Да, птицы здесь уже побывали, – подтвердила Малевич, – глаза выклеваны. Скорее всего лежит он здесь второй день.

– А убит когда?

– Тоже дня два как.

– Что прокуратура скажет? – обратился майор к Дымову.

Тот развел руками.

– Следы?

– Явных следов нет. Все заросло, открытый грунт отсутствует, – сообщил Судец, – трава кое-где примята. Ни окурков, ни прочего. Чисто сработано. Может, и проглядел чего. Темнеет ведь. Завтра еще раз посмотреть можно.

– Тащил-то его не один человек, а наверняка двое, голова опять же... Посмотрите, нет ли под ним чего.

Судец дернул труп за ноги и стащил целиком на могильную плиту. Теперь можно было прочитать надпись на памятнике:

«Морис Фурнье

1857 – Руан – Франция, 1916 – Тихореченск. Мир его праху».

– Француз какой-то, – недоуменно проговорил Судец. – Откуда у нас французы?

– А вы, смотритель, что знаете про эту могилу? – спросил Буянов.

– В данном захоронении лежат несколько человек, – охотно заговорил Кувалдин. – Сам Фурнье, его жена и их сын Жером. Этот, – он кивнул на труп, – закрывает остальные надписи, они на горизонтальной плите. Фурнье владел кондитерским производством. Нашу кондитерскую фабрику знаете? Ему принадлежала. Позже младший его сын, тоже Морис, работал на этой фабрике, национализированной, конечно...

Женя понемногу пришла в себя. Ей было стыдно – никак не ожидала от себя подобной реакции. Ведь и в морге бывала... На нее, казалось, никто не обращал внимания. Каждый занимался своим делом. Неожиданно Женя услышала фамилию Фурнье. Где она ее уже слышала? Как будто совсем недавно. Ага. И про кондитерскую фабрику. Ведь такая фамилия была у бабушки Вержбицкой! Точно! Ей еще рассказывала эта пряничная старушка-соседка Вержбицкой.

Женя робко тронула Буянова за рукав пиджака:

– Николай Степанович, я тут...

– Да не расстраивайся. Вполне естественная реакция.

– Я не о том. Понимаете, у Вержбицкой та же фамилия, что на памятнике.

– Чего-чего?

– Старушка, которая рассказывала мне о Вержбицкой, сообщила, что дедом Светланы был француз – Фурнье Морис Морисович. Он работал на кондитерской фабрике, кажется, был ее директором.

Майор продолжал недоуменно смотреть на Женю.

– Слышал, Петр Иванович? – обратился он к Дымову. – Что думаешь?

– Это точно? – спросил Дымов.

– Мне так сказали. – Женя неуверенно улыбнулась. – Несложно, наверное, проверить.

– Проверить, конечно, несложно, – задумчиво произнес майор. – А что тебе еще сказали?

– В общем, больше ничего особенного. Квартира Вержбицкой досталась по наследству от ее бабушки и бабушки. Родители вроде не ладили между собой.

– Значит, Фурнье?! – Буянов потер переносицу. – И что все это может значить? Зачем его сюда притащили? Зачем голову отрезали? А если отрезали, почему не спрятали где-нибудь в другом месте? Я допускаю, что можно отрезать голову, чтобы затруднить опознание жертвы...

– Без нечистой силы здесь не обошлось, – совершенно серьезно заметил Кувалдин.

– Естественно. Примерно это я и ожидал услышать. – Буянов поморщился.

– Нет, вы послушайте!..

– Ничего слушать не желаю. Ступайте домой, проспите.

– Я совершенно трезв и хочу...

Но майор, не дослушав, подошел к могиле и стал разглядывать труп. Кувалдин, махнув рукой, отправился восвояси.

Почти сразу же вслед за его уходом послышались чьи-то голоса, треск кустов...

– Санитары, должно быть, из морга, – предположил Судец.

Это точно были санитары, с носилками, но не только они.

В тот миг, когда труп стали укладывать на носилки, в кустах сверкнула вспышка фотоаппарата.

– Что за черт! – воскликнул Буянов. – Кто там? Ну-ка, Рудик!..

Опер бросился к кустам. Послышались возня, непечатные ругательства, и вновь появился Судец, таща за руку неизвестную Жену личность.

Все подались к ним, даже невозмутимые санитары оставили свои носилки и с любопытством следили за происходящим.

– Ох! – воскликнула Малевич. – Этот!.. – В голосе судмедэксперта звучали досада и смущение.

– Так! – зловеще произнес майор. – Что вы тут делаете?

Вопрос был обращен к здоровенному парню в джинсах и черной майке с надписью «New York Times». На груди у парня висел отличный «Никон». Он держал в правой руке очки и близоруко таранился на присутствующих. При этом на его пухлых губах играла насмешливая улыбка.

– Что я тут делаю? – переспросил он. – Да то же, что и вы, – работаю. Тружусь в поте лица, зарабатывая нелегкий журналистский хлеб. По какому праву, Судец, вы занимаетесь рукоприкладством по отношению к прессе?!

Он водрузил очки на нос, пригладил жидкую бороденку и, не обращая внимания на окружающих, вскинул на изготровку фотоаппарат.

– Действительно сенсация, – проговорил он себе под нос, – меня не обманули.

– Никаких снимков! – закричал Буянов. – Запрещаю съемку.

– Не имеете права. Закон о печати нужно знать.

– Гражданин Маковников, это вы нарушаете закон, – вступил в дискуссию Дымов.

– А-а, прокуратура... И чем же я нарушаю закон? – бросил в сторону Дымова детина, продолжая щелкать камерой.

– В интересах следствия вы не имеете права разглашать информацию.

– Да чихал я на вас! У нас свободная страна... с некоторых пор...

– Я могу вас задержать, – спокойно произнес майор.

– Попробуйте, – ехидно сказал детина. – Или забыли прошлый раз? – Он захохотал, направил объектив прямо на Буянова, и снова сверкнула вспышка.

– Петя, – спокойно сказал он, обращаясь к санитару, – возьми, пожалуйста, в руки голову этого несчастного, сейчас я вас обоих запечатлею.

– Не смей! – крикнул майор. Санитар вопросительно посмотрел на детину.

– Ладно, – пренебрежительно произнес тот, – возле машины сниму. Позвольте откланяться, ведь интервью давать, как я понимаю, вы откажетесь.

– Откуда вы узнали о месте преступления? – стараясь оставаться спокойным, спросил Буянов.

– От верблюда, – нагло ответил детина. – Гуд бай, господа. А это что за лапочка? – обратил он внимание на Жену. – Ах да, наверное, дочка покойного полковника Белова, студенточка-практиканточка, прибыла на подмогу нашей доблестной милиции. Не страшно, девочка? А мне вот страшно! Преступники обнаглели. Уже головы отрезают. Куда идут деньги налогоплательщиков? Могу ответить. Управлением милиции приобретены два «Форда» якобы для

патрулирования. «ВАЗы» их, видите ли, не устраивают. Кто-то на иномарках разъезжает, а населению головы режут. Привет!

И детина двинулся вслед за санитарями.

– Кто это? – спросила донельзя удивленная Женя. – Откуда он меня знает?

– Он все знает, – туманно пояснил Судец.

– Мерзавец, – добавила Малевич.

– Профессионал высокого класса, – резюмировал Дымов.

– Главный редактор независимой тихореченской газеты «Курьер» Александр Анатольевич Маковников, именуемый также Сашка Мак, – пояснил Буянов.

– «Курьер»? – переспросила Женя. – А-а, знаю. Читала. Желтая пресса.

– Вот именно! – поддакнула Малевич.

– Желтая или голубая – какая разница! – заметил Дымов. – Газета интересная, пользуется успехом у населения, имеет достаточно высокий тираж, а главное, оперативна. Не сомневаюсь, что завтра на первой полосе будет опубликован фоторепортаж о наших сегодняшних приключениях.

– Ладно, давайте закругляться, а то совсем стемнело.

– Дорогу-то мы отсюда найдем? – неуверенно спросила Малевич. – Зря вы, Николай Степанович, прогнали этого зрителя.

– Рудик! С утра снова приедешь сюда. Отсмотришь тщательно все вокруг этой могилы, да и в окрестностях тоже. Потом потолкуй со зрителем. Надеюсь, с утра он будет трезв.

– А я? – нерешительно спросила Женя.

– Продолжай разбираться с Вержбицкой. Устанавливайте вместе с Валеевым ее связи. Да! – вспомнил он. – Ты утверждаешь, что у ее деда та же фамилия, что и на могильной плите? Довольно странное совпадение. Допустим, между двумя убийствами есть какая-то связь... Сомнительно, конечно. Но все же. Постарайся разузнать побольше о захороненном здесь французе. Что за человек? Вдруг всплывут интересные подробности. Мало ли...

– Прошло столько лет... – заметил Судец.

– Конечно. Но поискать стоит.

Разговор прекратился. Возможно, само место настраивало на молчание. Следственная группа гуськом возвращалась к воротам кладбища. Впереди осторожно шел Судец, светя под ноги фонариком. Пару раз он споткнулся, еле слышно чертыхнулся, но продолжал уверенно шагать вперед.

Стояла глубокая тишина, даже соловьи перестали щелкать, и Женя еще явственней ощутила нереальность происходящего.

«HAVANA – MOON»

– Слышал, слышал о ваших похождениях, – с легкой насмешкой сказал Альберт, когда на следующий день Женя начала рассказывать ему о преступлении на кладбище. – Майор говорил, что ты вроде обратила внимание на некую странную деталь?.. Ясно. Теперь послушай, что я накопал. После того как мы вчера расстались, я двинул к одному своему информатору. Тот слышал про Вержбицкую. Его сведения тоже довольно туманны. Говорил, что девочка – высший класс! Странно, что она жила в Тихореченске, а не подалась в Москву или куда подальше. На двух языках говорила свободно. Английский и французский... Каково?! Так вот. У нее были неприятности с братвой. Вроде какой-то крутой на нее глаз положил, а она ни в какую. И деньги не помогли. Тот сначала по-хорошему. Цветочки домой присылал корзинами. И так, и сяк. Потом видит – облом. Ну и взбесился. Поймали они эту Светочку... и пустили по кругу. Информатор клянется, что сведения точные. Грязная, конечно, история. Случилось это пару лет назад. История стала широко известна. Вроде как в назидание другим. И после этого наша Светочка будто бы стала путаной. Информатор сам с ней знаком не был, повторял чужие слова. О ее сутенере он ничего конкретного сообщить не смог. Однако отослал меня к одной колоритной даме – некой Марфе. Представь себе этакую престарелую Мэрилин Монро. Возраст где-то между сорока и шестидесятью. Лицо как у фарфоровой куклы, тропический загар, на пальцах и в ушах бриллианты... Словом, звезда пленительного счастья. Я ее, конечно, и раньше знал. Но она сроду не стучала. Тертая баба. Я так думаю, у этой Марфы под каблуком вся эта свистобратия, начиная от вокзальных и кончая птичками вроде Вержбицкой. Встретились мы у нее дома. Хата, скажу я тебе!.. Дом в одном из пригородов. Прямо Майами Бич какой-то... Конечно, в иное время меня бы туда и на порог не пустили, но, как я понял, смерть Вержбицкой наделала много шума в их кругу. И они горят желанием отомстить, поэтому Марфа и пошла на контакт. Правда, ничего конкретного она почти не сообщила. Назвала только кличку того, кто Вержбицкой домогался. Шакал! Личность известная. Информатор мой побоялся назвать его, а Марфа нет. Кроме того, она сказала, что у Вержбицкой имелся дружок. Некий Юра. Он не настоящий сутенер, но, как я понял, связан с этими делами. Фамилию она не знает, только кличку – Леонардо. Богемный парень, художник или актер. Со слов Марфы выходит, что там имела место любовь. Надо думать, она всего мне не сказала. Где, например, проходила тусовка, на которой они познакомились? Сам, говорит, ищи. Мне под приблуду попадать не охота. Правда, намекнула, где искать, куда, как она выразилась, «щекотнуться».

– А Шакал? – спросила Женя. – Это что за личность?

– Один из местных криминальных воротил. Лет сорока. Кем он раньше был, неизвестно, зато теперь вполне респектабельная личность. Сеть ларьков, рынок, несколько продуктовых магазинов, ночной клуб с рулеткой и карточными столами. Это фасад. А за ним – торговля левой водкой, какие-то дела на химкомбинате. Поговаривают, что именно он – его неофициальный владелец. Словом, воротила. Огромный дом с охраной и телекамерами... Бригада – человек двести. Круче не бывает, во всяком случае, в Тихореченске. Поговаривают, именно он убрал Кудрявого, ну, того, что на видеокассете. Помнишь, лысый?.. Он страшно не любит своей клички – Шакал. Но уже теперь не отлепишь. Нужно искать этого Юру-Леонардо. Чем я и собираюсь заняться.

– Буянов велел мне разобраться с родней Вержбицкой.

– Пойдем лучше со мной, посетим кое-какие вертепы. У меня не выходит из головы этот Леонардо. А с архивными изысканиями успеешь еще...

На улице моросил легкий дождичек, но было душно словно в парилке.

Они не торопясь зашагали по мокрому асфальту в направлении центра.

– Жаль, нет твоего приятеля, который нас подвозил.

– Утром ждал у подъезда, предлагал свои услуги.

– Он что же, равнодушен к тебе?

Женя хмыкнула:

– Ребенок совсем. Какой из него кавалер!

– А мне показался нормальным парнем. Ты же говорила, что училась с ним в школе. Значит, он твоих лет. Коли он ребенок, тогда и ты...

– Может, он и неплохой, но, как говорится, герой не моего романа.

По мокрому асфальту шурша проносились машины. Пахло прибитой пылью, дождем, гарью из выхлопных труб.

– А куда мы идем? – спросила она.

– Есть тут одно заведение, «Гавана мун» называется.

– «Гавана мун»?

– «Гаванская луна». Бар. Дорогой. Крутое местечко. Там собирается всякая шелупонь. Местная золотая молодежь, – поправился Альберт. – Сам не люблю жаргона, но, как говорится, с кем поведешься... Возможно, удастся узнать местонахождение этого Леонардо.

– Там что же, кубинская кухня?

– Вроде того, латиноамериканский антураж. Сейчас модно толкать неискушенному народу разную экзотическую туфту.

– Ясно. А вот ты рассказывал про Шакала...

– Ну?

– Он что, один в городе такой крутой?

– Нет, конечно. Есть еще одна фигура. Нос. Кавказец. Вроде ингуш. Тоже в большом авторитете.

– А с этим Шакалом он в каких отношениях?

– Вооруженный нейтралитет. Друг друга не задевают. Пока.

– А Кудрявый?

– Был очень значительной фигурой. Все эти мини-рынки, ярмарки, аптеки...

– Аптеки?

– Ну да. Лекарства – очень прибыльный бизнес. К тому же можно легально ввозить наркотики. Надо думать, под его крылом находились еще какие-то структуры.

– А потом?

– После смерти его, так сказать, империя была поделена между Шакалом и Носом. Правда, не вся. У Кудрявого имеется брат. Совсем молодой, ему лет двадцать. Но парнишка, как я понимаю, не промах. Шустрый мальчонка. Он сохранил под собой часть группировки Кудрявого и какие-то крохи его бизнеса. По-моему, контролирует одну ярмарку. Аптеки отошли к Носу, а торговля к Шакалу.

– У него есть кличка?

– А как же. Брат – так его величают приближенные. Сначала звали Брат Кудрявого, а теперь просто Брат. Есть еще мелкие формирования... Короче, как везде. О! Мы пришли. Вот он, уголок тропиков.

Женя знала это место. Ее школа находилась совсем недалеко отсюда. Она хорошо помнила, как бегали сюда на переменах, покупали слойки, заварные пирожные, сладкий донельзя кофе. Тогда здесь находилась кондитерская. А теперь... Все преобразилось. Мраморные ступеньки, зеркальные стекла витрин, неоновая вывеска «Навана Моон», под ней штурвал из красного дерева с начищенными до блеска медными накладками. Действительно экзотика!

Альберт толкнул роскошную дубовую дверь, и они очутились в прохладном полумраке. Стены завешаны рыбацкими сетями, веслами, спасательными кругами. По периметру зала под потолком – цветные фонарики, высокая, обитая медью стойка бара, разноцветье бутылок невероятных форм. Над бутылками укреплен громадный меч-рыба. Негромко играет латиноамериканская музыка.

риканская музыка. В баре было почти пусто, лишь за спрятавшимся в углу столиком, склонясь друг к другу головами, ворковала парочка, а у стойки атлетического сложения парень беседовал о чем-то с барменом.

Альберт и Женя уселись за столик, на котором тотчас зажглась маленькая настольная лампа с пестрым абажуром.

Появился официант в расписной гавайской рубаше и бермудах.

– Что угодно?

– Кофе, – односложно произнес Альберт.

– По-венски, по-турецки, капучино, по-кубински?

– По-турецки.

– Пить что будете?

– Я же сказал: кофе!

– Я имею в виду крепкие напитки. Мартини, баккарди?

– В другой раз.

– А покушать? Жаркое по-креольски, крабы? Креветочки свежайшие...

– До обеда еще час.

– Может быть, сэндвичи? С тунцом, с миногой...

– Свободен!

Официант хмыкнул и удалился.

– Навязчивый сервис, – прокомментировал Альберт, – цены тут, конечно...

– У меня есть деньги, – шепотом сказала Женя.

– И ты туда же! Мы здесь по долгу службы...

Вновь подскочил официант с подносом, на котором стояли две чашечки кофе и два стакана с прозрачной жидкостью.

– Мы заказывали только кофе! – раздраженно произнес Альберт.

– Вода, – пояснил официант, – бесплатно. – Он откровенно издевался. – А мороженое? К кофе обязательно полагается мороженое. Пломбир, ананасовое, «кокосовый аромат»? А может быть, фирменное – «Рио де Оро»?

– Два «Рио де Оро», – сказала Женя.

Официант унесся прочь, но тут же вновь появился. На подносе стояли две цветные вазочки, наполненные разноцветной смесью. Он щелкнул зажигалкой, и в каждой вазочке зажегся крохотный огонек.

– На здоровье. А к мороженому хорошо сухой баккарди.

– Давайте баккарди, – откликнулась Женя.

– Послушай, друг! – остановил Альберт. – Ты, часом, не видел Леонардо?

– Кого? – подобрался официант.

– Леонардо. Другок мой. Часто здесь бывает.

– Такого не знаю, – холодно промолвил официант. – Значит, два баккарди?

Парень в пестром одеянии подошел к бармену и что-то тихо ему сказал, указывая на Женю и Альберта. Теперь все трое, включая и атлетического парня, смотрели на их столик. Бармен пожал плечами. Официант подскочил к столику и поставил два запотевших бокала, в которых позвякивал лед.

– Ваш баккарди.

– А Леонардо?

– Я же сказал: такого не знаю!

– А он? – Альберт кивнул на бармена.

– Сами и спросите!

– Спросим.

Официант хмыкнул.

– Ребята... – он, видно, хотел продолжить фразу, но передумал.

Женя попробовала кофе. Действительно отличный. Она зацепила ложечкой мороженое и отправила в рот. Высший класс!

Атлетический отделился от стойки и бесцеремонно уселся за их столик.

– Про Юрку спрашивал?

– Про Леонардо?

– Именно. Зачем тебе он?

– Долг хочу отдать.

– Сколько?

– А тебе какое дело?!

– Фу, как грубо! – Парень презрительно оглядел Альберта. – Кофе допил?

– А что?

– Допьешь и сваливай.

– Почему это?

– Чтобы здоровью не повредить.

– Ребята!.. – укоризненно сказала Женя.

– Ты не встречай! – Атлетический бросил цепкий взгляд на Женю.

– Привет, мальчики! – раздалось с порога. Голос был полужнакомый.

Женя обернулась. Горшкова, она же Ангел.

– Тихо у вас, – продолжала Ангел, – народу... – Она заметила Альберта и Женю. – А, мусорня!

Атлетического словно подбросило. Он поспешно ретировался к стойке.

– Вы, ребята, здесь по делу или кайфуете? – спросила Горшкова, поравнявшись со столиком.

– Леонардо ищем, – сообщил Альберт.

– Леонардо? Это кто же такой? Как бы вспомнить... Юрка! Не видать что-то хлопца. А на кой он вам?

– Алла, иди-ка сюда! – позвал бармен.

– Пардон. Удаляюсь на randevu. – Она подошла к стойке и стала перешептываться с барменом и атлетическим. Женя тем временем доела мороженое и глотнула баккарди. Напиток был довольно приятным, однако отдавал ацетоном.

Детина призывно махнул рукой, приглашая следовать Альберта и Женю за собой.

– Что это все значит? – недоуменно спросила Женя.

– Ничего особенного. Эти козлы дадут мне адрес Леонардо. Делов-то...

– Как это понять: то чуть не драку затевали – и вдруг?..

– Ты же видела – пришла Ангел. Я так понимаю, им приказано оказывать нам содействие.

– Но почему?

– Видно, убийство Вержбицкой по каким-то причинам очень задевает их интересы. Вчера я побывал у Марфы. Это, естественно, стало известно. Дошло, очевидно, до командиров. Те, видать, и дали «добро». Из всего этого вытекает, что сами они не замешаны в убийстве и хотят, чтобы побыстрее нашли виновника. Можно допустить и другое. Возможно, в этой истории завязаны их конкуренты, вот и пытаются навести тень на плетень. Разберемся.

Прошли помещение бара, потом какие-то коридоры, подсобки. Атлетический толкнул неприметную дверь. Довольно просторная комната была обставлена с вызывающей роскошью. Затянутые ярким шелком стены, громадный телевизор, хрустальные бра по стенам.

– Садитесь, – кивнул он на длинный стол. За ним уже сидели бармен и Ангел.

– Закусить? – спросил бармен.

– Уже, – отозвался Альберт.

– Да что вы там такое ели? – Он засмеялся. – Сейчас по первому разряду вас обслужим.

- Получи адрес. Ну и кое-какую информацию об этом Леонардо, – сказала Ангел.
- Художник х...в, – презрительно произнес атлетический. – Урод!
- Вчера ты мне не особенно много выложила. – Альберт в упор смотрел на девицу.
- Нам приказали, – сказал вернувшийся бармен, услышав последнюю реплику. – Сам понимаешь, командир, не приказали – ничего бы не вякнули.
- Кто?
- Люди. Мы, понимаешь, переживаем. Света была в авторитете, и, когда ее замочили, народ возмутился. Стали искать. Сам понимаешь! Никто ни духом... – Бармен развел руками. – Темнуха. Поэтому наверху, – он ткнул пальцем в потолок, – рассудили следующим образом: пусть менты ищут, а мы им поможем.
- Конечно, – засмеялся Альберт, – так я и поверил. Новое дело – уголовники помогают милиции!
- Твое дело. Мы как на исповеди. – Бармен разлил в бокалы напиток густого чайного цвета из бутылки с черным ярлыком. – Света была не нашего круга, и поэтому мы вправе помочь.
- Не понимаю.
- Она не своя. Будь она из команды – это наше дело. Но поскольку она ни к кому не примыкала... И ее все любили.
- Довод!
- Вот-вот. Мы грешим на этого пидора... – Он что, «голубой» был?
- Да не был он «голубым»! – закричала Ангел. – Что вы им мозги пудрите! Нормальный чувак.
- Пидор! – сказал доселе молчавший атлетический. – Уж я-то знаю. Все повадки пидорские...
- Погодите, – прервал перебранку бармен. – Я расскажу. Меня всегда удивляло, чего она с ним связалась. Такая баба! И это шибздо.
- Он здоровый был, – вмешалась Ангел.
- Дай сказать. Действительно, с виду он был орел. Но замашки... Не знаю, был ли он гомиком, может, и нет, но вел себя как гей. На художника учился... Манерный, заносчивый. Не знаю, какой он уж там художник...
- Светка говорила, настоящий, – вновь вмешалась Ангел.
- Художник, от слова х... – насмешливо произнес атлетический.
- Все бы ничего, но он взял над ней власть, – продолжал бармен. – Такая баба! Шакалу отказала, а этот махнет рукой, и она за ним... Занимал опять же у всех подряд. Били его за долги. Разве такой парень ей был под стать? Словом, дешевка! Звать его Юрий Давыдов, лет тридцать, высокий, что называется, накачанный. Кончил какой-то институт или училище художественное, но не в Тихореченске. Подторговывал антиквариатом, иконки реставрировал.
- Фуфлыжник! – презрительно заметил атлетический.
- Ну хорошо, – сказал Альберт, – объясните, почему он все-таки имел на нее такое влияние?
- Мы не знаем, – в один голос произнесла троица.
- Но он точно был ее сутенером? – не отставал Альберт.
- Скорее не сутенером, а альфонсом. Она его содержала, – ответил бармен.
- Погань! – промолвил атлетический. – Кто бы его замочил?!

УБЕЖИЩЕ ОТ БУРЬ

– Красочно, – сказала Женя, когда они покинули гостеприимный кров «Гавана мун». – Просто какие-то мексиканские страсти!

– Одни эмоции и никакой информации, – добавил Альберт.

– Разве? По-моему, они достаточно сказали.

– Предвзятые оценки. Ее любили, его не любили... Она баба во! Он – шибздо! Ну и что? Любовь зла...

– А где он живет?

– У черта на куличках. «Семь сестер» знаешь? Часа два пилить. Была бы тачка...

В этот миг возле них остановилась потрепанная «копейка».

– Залезайте, – сказал Пашка.

– Волшебство! – удивленно произнес Альберт, уставившись на веснушчатое лицо. – Какими судьбами, молодой человек?

– Ехал мимо, увидел вас...

– Кстати, кому принадлежит «Гавана мун»? – поинтересовалась Женя, усаживаясь на переднее сиденье.

– Она находится под покровительством Брата. То есть не относится ни к одной из двух самых могущественных группировок.

– И что из этого следует?

– Вообще странно получается. Если Вержбицкая замешана в убийстве Кудрявого, то почему бы им так для нее стараться? Вовсе непонятно.

Они вышли из машины. Солнце светило вовсю. Ветер закручивал на пустынной улице маленькие пыльные вихри.

Обиталище таинственного Леонардо оказалось строением, в каких до семнадцатого года ютились мещане средней руки. Низ его был каменный, а верх деревянный. Сколько дождей омыло его, сколько снегов засыпало крышу! Домик, однако, выглядел неплохо и, как видно, собирался простоять еще сотню лет.

Альберт долго барабанил в покосившиеся дощатые ворота, потом, обессилив, отошел и тоскливо глянул вдоль совершенно пустынной улицы.

– Безрезультатно, – сказал он себе под нос.

– Чего изволите, уважаемые? – услышал он у себя за спиной. Женя засмеялась, Альберт обернулся и обнаружил прямо перед собой крошечного старичка, одетого в просторные парусиновые брюки и такую же толстовку, то есть по моде в лучшем случае двадцатых годов.

– Нам Леонардо... то есть Юрия, – сказал Альберт.

– А вы его друзья? – Как вам сказать? Вроде того.

– Ответ лукавый, – резюмировал старец. – Однако проходите.

Двор с пустой конурой зарос мокрецом, возле порога стояла наполненная водой деревянная колода, у которой копошились куры, одинокий гусь, переваливаясь с лапы на лапу, направлялся к старику.

– А-а, Кеша, – сказал старик, обращаясь к гусю, – сейчас покормлю, любезный ты мой. Заждался.

Гусь задрал красную лапу, подержал ее на весу, потом что-то выкрикнул на своем гусином языке – должно быть, попрекнул старика за длительную отлучку.

– Ну не сердись, – ласково сказал старец, – я тебе гостинец принес. – Он достал из кошелки хвост минтая и кинул гусю.

Птица неодобрительно загоготала, однако приняла подношение и удалилась куда-то за угол.

– В дом пройдем или здесь поговорим? – поинтересовался старец, вытирая руки листом лопуха. – Если вы пожаловали по поводу Юриных долгов, то ничем помочь не могу. Пенсию задерживают, накоплений не имею.

– Нет, мы по другому поводу.

– А самого Юры нет. Уже четвертый день...

– А где он? – спросил Альберт.

– Кто знает...

– Юра ваш внук? – спросил Альберт.

– Правнук. – Старик посмотрел на Альберта выцветшими голубыми глазами и засмеялся:

– Правнучек мой...

– Да сколько же вам лет? – недоуменно спросила Женя.

– Девяносто два, – с отстраненным равнодушием ответил старик, – девяносто два годочка.

– Мы из милиции, – сказал Валеев, – приехали узнать про вашего... – он запнулся, – правнука.

– Из милиции? Понятно. А что он натворил?

– Да ничего... Не в этом дело. У Юры есть друзья, приятели?

– Наверное, есть. Сюда никто не ходит. Он называет мой дом убежищем от бурь. Где-то шастает, нет его иной раз месяц, потом является... Отдыхает. Одна, правда, девица появлялась. Он ее все рисовал. Юрка-то художник, да вы, наверное, знаете. Красивая девка.

– А как ее звали?

– Вот не скажу. Не представил он. Не считал нужным. – Старик поморщился.

– А можно посмотреть его комнату?

Старик неожиданно остро глянул на Альберта:

– Обыскивать будете?

– Зачем обыскивать? Просто глянем.

– Что же, глядите. Только я с вами. А?

– Конечно, конечно...

– Тогда пойдемте.

В доме было прохладно, тихо, полутемно, половицы скрипели под ногами.

– Наверху он жил, – пояснил старик, – называл – мансарда. Говорит, художники живут обязательно в мансардах.

Старец как-то очень ловко забежал вперед и толкнул дверь. Женя оказалась на пороге просторной, даже огромной комнаты, действительно выглядевшей как мастерская художника. Часть потолка была застеклена.

– Специально людей нанимал, чтобы крышу переделать, – пояснил старик. – В копеечку влетело!

Женя и Альберт осмотрелись. Две стены импровизированной студии тоже полностью застеклены, а две остальные увешаны картинами и рисунками. Тут же стоял мольберт на треноге с наполовину законченным полотном. Было просторно и чисто. Огромная тахта, застеленная чем-то пестрым, стереосистема, маленький телевизор, на нем видеокамера – вот и все убранство студии. Имелись, правда, штанга и гири. На стеллажах и на полу валялся разный хлам: прялка, помятые самовары, почему-то тележное колесо. Такое же колесо свисало с потолка в качестве своеобразной люстры. На нем были размещены свечные огарки. Свечей в студии вообще хватало – на стеллаже с книгами, на полках с разной дребеденью, в многочисленных подсвечниках. Часть свечей цветные, но преобладали почему-то черные. Однако главным, конечно, были картины.

Портреты, пейзажи, на взгляд Жени, выполненные довольно профессионально. Но имела в них одна общая особенность: мрачный колорит. Небо темное, лица угрюмые. Несколько

полотен и вовсе поражали безысходностью. Вот хотя бы этот холст. Женя остановилась, вглядываясь. Переплетение обнаженных тел, искаженные лица... Ну и фантазия у этого Леонардо! Портреты! Вот Вержбицкая. Поясной портрет. А вот она уже обнаженная, изображена в полный рост. И опять то же настроение. И свет какой-то болезненный.

Женя переходила от картины к картине. Все одно и то же. А это что?! Похоже, какие-то сатанинские атрибуты. Козлиная харя, вписанная в перевернутую пятиконечную звезду. Козлобородый монстр топчет распятие...

– Как-то я зашел сюда, он меня позвал, – подал голос старик, – погляди, говорит. И на дьявола указывает, вон на того. Спрашивает: что думаешь? Плюнул я. Он усмехается. Неужто, говорит, в Бога веришь? После всего! А ты, спрашиваю, неужто нечистому поклоняешься? Ага, говорит. А Бога вашего нет. Я ему: дьявол, значит, есть, а Бога нет? Именно, отвечает. Он всем правит. И опять на рогатого кажет. Любовь, говорит, кончается ненавистью, а красота тленна. Тогда почему, спрашиваю, дьявол до сих пор не воцарился в мире? Воцарится еще. Придет срок... И спасутся только те, кто ему сейчас почести отдает.

Женя вопросительно посмотрела на Альберта. Тот молча пожал плечами. Что тут скажешь?

– А это кто? – спросила Женя у старика, указывая на портрет какого-то мужчины.

– Юрка и есть. Сам себя рисовал.

Женя присмотрелась. Она где-то видела этого человека. Высокие скулы, безвольный скошенный подбородок.

– Ой!

– Что такое?

– Это же!..

– Кто?

Женя посмотрела на старика, который шаркающей походкой двинулся к двери, и приложила палец к губам.

– Это тот... – Женя вновь покосилась на старика, – с кладбища... Которому голову отрезали. Убитый вчерашний.

– Ты думаешь? Круто! Делаешь явные успехи. Срочно нужно ехать в управление и доложить майору. Как думаешь, твой оруженосец еще у ворот?

Пашка дожидался их.

– Очень кстати, – серьезно заявил Альберт, – ваша помощь милиции, видимо, в скором времени будет отмечена. А теперь, уважаемый Павел, везите нас в управление.

«КСТАТИ, О НЕЧИСТОЙ СИЛЕ...»

– Угробили их обоих все-таки из-за кассеты, – заключил Буянов, выслушав рассказ Жени и Альберта, – если, конечно, все, что вы мне рассказали, соответствует истине. Он снимал. Уверен, она действовала не по собственной инициативе, а по команде Шакала. Потом по глупости оставила себе один экземпляр записи. Нужно было убрать свидетелей. Ее и его. Чтобы не разболтали, кто наниматель. Кудрявого убирают, а прокурором можно вертеть как угодно. Очень логично.

– Тогда почему не уничтожили Горшкову? – спросил Альберт.

– А потому, что она не знала, кто заказчик. Они тоже не дураки – гробить всех подряд. А то, что вам наболтали в баре, только доказывает мою правоту. Брат Кудрявого очень хочет свести счеты с Шакалом. Силенок у него маловато, вот он и прибегнул к помощи милиции.

– Но откуда они знают, что Вержбицкую убрали по команде Шакала? И этого Леонардо?

– Про Леонардо они, возможно, не в курсе, а про Вержбицкую знают наверняка. Поэтому вам и твердили, что Шакал де на нее наехал... А может, считали, что Леонардо ее уколошил опять же по команде Шакала. Вы ведь всего не знаете. Против Шакала начало копать не только Шестое управление, но и ФСБ. Тут много чего всплывает. А кассета – реальный шанс внести смуту в наши ряды. Мол, глядите, каковы правоохранительные органы! Пока суматоха, то да се, он попытается отмазаться. Ты подумай, одну придушили, другому голову отрезали! Ну артисты! Конечно, Шакал не дурак и высшее образование имеет...

– Николай Степанович, а как же с родственниками этой Вержбицкой? Почему Леонардо подбросили на могилу ее прадеда?

– Понятно почему. Чтобы сбить нас с толку. Напустить таинственности. Мистику приплести. Шакал прекрасно понимает, что мы докопаемся до родственных связей Вержбицкой, вот он и изобретает... Молодец. Дока. А что, Белова, у тебя есть какие-то соображения?

– Если отринуть мафиозную версию... Что, если их все же убили сектанты?

– Сектанты?!

– Именно. И тот, и другая увлекались оккультизмом...

– Так-так.

Женя смешалась и замолчала.

– Евгения Яковлевна хочет сказать, что мы имеем дело с ритуальными убийствами, – вмешался Альберт.

Майор в сомнении пожевал губами.

– Не знаю, не знаю... Слушайте, ребята. Тут есть одна интересная информация. Мне сообщила Малевич. Она узнала любопытную вещь. Будто бы в морге возле этой самой Вержбицкой провела ночь некая девица.

– Как провела ночь?! – удивился Альберт.

– Очень просто. Ночевала рядом с трупом.

– Чушь какая-то!

– Вот и я так сказал. Но Малевич стоит на своем. Ей сказал патанатом, а тому санитар. Некий... – Буянов покопался в бумагах, беспорядочно наваленных на столе. – Вот... Колющенко Анатолий. Работает в морге санитаром, алкоголик. Этот Колющенко про первый раз ничего никому не сказал, но девица попросила, чтобы он опять устроил ей ночь с трупами. Колющенко не нашел ничего лучшего, как обратиться к патанатому. Видно, испугался. Начал нести какую-то ахинею, что девица эта проводит некие эксперименты. Патанатом заинтересовался, призвал девицу к себе. Фамилия ее Кавалерова. Та, нисколько не стесняясь, давай объяснять, что действительно проводит опыты – вы не поверите – по контактам с мертвецами. Вот до чего дело дошло! С мертвецами, видишь ты, она желает общаться! Анатом, естественно,

спрашивает: каким же, позвольте узнать, образом? Выясняется: с помощью каких-то грибов. Наркотиков, короче. Анатом интересуется результатом. Эта Кавалерова ему сообщает, что контактировала с Вержбицкой. Та вроде ее о чем-то попросила...

– О чем попросила? – изумился Альберт.

– Ну, естественно, отомстить! О чем же еще!

– Но зачем же ей новая ночь в морге?

– Вот и анатом ее спросил. Проверить, говорит, действительно ли контакт состоялся или это был плод галлюцинаций.

– Как, вы говорите, ее фамилия? – спросила Женя.

– Кавалерова.

– А имя-отчество?

– Сейчас... где-то тут... Ага, Глафира Юрьевна. Не работает, живет на иждивении родителей.

– Я ее знаю. Училась с ней в одном классе...

Майор не проявил особого интереса по поводу этого обстоятельства.

– И какие вы собираетесь принять в отношении нее меры? – спросил Альберт.

– Да какие меры! Родителям сообщим. Пускай они меры принимают. А то девчонка в дурдом угодит. Впрочем, с этим потом. Вы обедали? – Майор взглянул на часы. – Сейчас начало третьего. Пообедайте, а ровно в четыре у меня совещание. Ваше присутствие обязательно. Будет разговор об обоих убийствах. Пока свободны.

– Мне кажется, он прав, – заметил Альберт, с кислой гримасой отодвинув тарелку с недоеденными щами. – Его версия относительно убийства этой парочки вполне логично выстроена.

Женя отхлебнула компот.

– А я думаю, не все так просто.

– Видиков насмотрелась? Сатанисты... оккультисты... То, что они интересовались подобными вещами, еще ничего не доказывает. Сейчас это модно. Развелись гадалки, астрологи, хироманты, парапсихологи. И каждый деньгу пытается выжать из неискушенного россиянина. Но к нашему делу это не относится. Я никогда не слышал, что в Тихореченске имеется нечто подобное.

– Сегодня не слышал, а завтра услышишь. Мы пока к бару этому шли, ты же видел кришнаитов с бубнами и трещотками?

– Ну?

– Их тоже раньше не было. А сейчас никто и внимания на них не обращает.

– Все равно плохо верится. Слишком экзотично.

В кабинете Буянова собрались уже знакомые Жене личности. Малевич, как всегда, читала журнал. Дымов перелистывал какие-то бумаги, Судец смотрел в окно и чему-то улыбался. Не было только самого майора.

– Пять минут пятого, – ни к кому конкретно не обращаясь, заметила Малевич, взглянув на часы. – Николай Степанович обычно пунктуален.

В этот миг в кабинет не вошел, а скорее ворвался Буянов. Лицо его покраснелось, глаза яростно сверкали.

– Вот, полюбуйтесь! – закричал он с порога, размахивая зажатой в кулаке газетой. – Экстренный выпуск «Курьера»!

«Ужасающее преступление!» – гласили аршинные заголовки. – «Кошмар на Богачевском кладбище!», «Куда смотрят правоохранительные органы?!»

– Ну как?! – воскликнул Буянов. – Говорил я вам!.. Постарался наш Маковников! А текст?! «Маленькие свиные глазки с тупым упрямством...» – уж не про меня ли? Мило! «Престарелая кокетка, которой скорее место в коммерческом киоске, а не в судебной экспертизе...»

– Что?! – побледнев, воскликнула Малевич.

– «...развязный молодец с хамскими манерами».

– Это я, – сообщил Судец.

– Правильно! «Наше сыскное светило...», «пахарь из прокуратуры» – все же с долей уважения. Не зря вы, Петр Иванович, его защищаете. А вот и про нашу практикантку: «Хорошенькая свистушка, попавшая сюда благодаря протекции и родственным связям». Никого не забыл, мерзавец!

– Я в суд подам! – заявила Малевич. – Это оскорбление!

– Подавайте, он только рад будет. Представляю, что вы еще прочтете о себе.

– А что он про само убийство пишет?

– Очень интересно пишет! – язвительно отозвался Буянов. – Во-первых, он называет фамилию убитого – Давыдов, его кличку – Леонардо. То есть он установил личность раньше нас. – Майор уткнулся в газетный лист. – Номер напечатан сегодня в двенадцать часов дня. Вот это оперативность! Действительно профи! Он почему-то называет этого Давыдова эстетом, свободным художником, неординарной личностью. «Непризнанный гений, богемный образ жизни...» А дальше – еще хлеще. Интервью с этим пьянчугой-смотрителем. Предположения и гипотезы. Смотритель развернулся! Помните, он нам заявил, что убийство – дело рук нечистой силы? В интервью он развивает свою идею. Якобы в одну из майских ночей он стал свидетелем настоящего шабаша. Дальше красочно описывается ужасающее зрелище: обнаженные женщины и мужчины в масках, некто в черной рясе с капюшоном... жертвоприношение какое-то... Чушь!

Женя толкнула сидящего рядом Альберта ногой.

– Ладно, оставим... пока, – сказал Буянов. – Давайте по делу. Результаты вскрытия?

– Значит, так, – начала Малевич. – Непризнанный гений, или кто он там, умер вовсе не от того, что ему отрезали голову. Примерно часов за двенадцать до этого он был отравлен. Причем тетурамом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.